

А ВОТ ВОПРОС

**ПОЧЕМУ
ЗАБЫЛИ
РУССКИХ
ГЕРОЕВ?**

**ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

А вот вопрос

Валерий Шамбаров

**Почему забыли русских
героев? Параллельная история
Первой мировой войны**

«Алисторус»

2024

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

Шамбаров В. Е.

Почему забыли русских героев? Параллельная история Первой мировой войны / В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2024 — (А вот вопрос)

ISBN 978-5-00222-579-8

Первую мировую войну в нашей истории заслонили катастрофы революций и Гражданской. Ход боевых действий царской армии впоследствии исказили и противники, и западные союзники, и либералы, и большевики. Каждый из своих соображений, но формировали унылую картину, как «отсталая» Россия надорвалась от поражений и потерь. Хотя на самом деле в Первую мировую русское оружие покрыло себя неувядаемой славой. Одерживались блестящие победы. Громились вражеские армии, брались неприступные твердыни. И потери были куда меньше, чем у противников и союзников. Много было и настоящих героев, совершались яркие подвиги – которые оказались забытыми. Мало того, события Первой мировой оказываются неразрывно связанными со Второй мировой, ставшей, по сути, ее продолжением. Почти все выдающиеся советские военачальники вышли из сражений 1914–1918 гг. – впрочем, как и гитлеровские. Об этих страницах нашего славного прошлого рассказывает книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Почему забыли русских героев? Параллельная история Первой мировой войны».

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-00222-579-8

© Шамбаров В. Е., 2024

© Алисторус, 2024

Содержание

Глава 1.	7
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Глава 4.	21
Глава 5.	27
Глава 6.	30
Глава 7.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий Шамбаров

Почему забыли русских героев? Параллельная история Первой мировой войны

© Шамбаров В.Е., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

* * *

МОЛИТВА ВОИНА

перед вступлением в бой с врагами Отечества

Господи Боже, Спасителю мой! По неизреченной любви Твоей Ты положил душу Свою за нас. И нам заповедал полагати души наша за друзей своих. Исполняя святую заповедь Твою и уповая на Тя, безбоязненно иду я положить живот свой за Веру, Царя и Отечество и за единомысленных братьев наших. Сподоби меня, Господи, непостыдно совершить подвиг сей во славу Твою. Жизнь моя и смерть моя – в Твоей власти. Буди воля Твоя. Аминь.

Глава 1. Увертюра для оркестра мировых держав

Красной нитью всей истории России так или иначе стало ее противостояние с Западом. Сперва Москва боролась с силившимися задушить ее Литвой и Польшей. В XVII в. царь Алексей Михайлович вдребезги разгромил их. Наша страна стала лидером в Восточной Европе, расширила границы до Тихого океана. Но в лидеры Западной Европы выдвинулась Франция. Втягивала под влияние захиревшую Польшу, а Россию сочла соперницей. Взялась натравливать на нее и поляков, и своих давних союзников – Швецию, Османскую империю. Хотя русские одолевали всех врагов. Шведы лишились Прибалтики, а потом и Финляндии, турки – Причерноморья, Крыма, Кубани, а Польшу в результате трех войн Екатерина II вообще разделила с Австрией и Пруссией. Ну а прямое столкновение с Францией завершилось полной катастрофой Наполеона.

Однако после этого Россия стала соперницей для Англии, формировавшей величайшую колониальную империю и претендовавшей на мировое лидерство. Британцы взяли под покровительство проигравшую Францию, перетянули под себя ослабевшую Турцию. Пакостить нашей стране взялись вместе. Разжигали восстания в Польше. Подстрекали и снабжали оружием немирных горцев на Северном Кавказе. Англичане успешно освоили и «бизнес на революциях», организуя и используя подрывные движения в тех или иных государствах. В России этому способствовало увлечение верхушки общества и интеллигенции западничеством, «прогрессивными» либеральными учениями. Невзирая на неоднократные запреты монархов, плодились масонские ложи.

Но и с такими проблемами наша страна справлялась. Восстание декабристов, которое курировал британский посол Чарльз Стрэдфорд Камминг, Николай I подавил, как и очередной польский мятеж. Персию и Турцию, полезших при подстрекательстве англичан воевать, крепко вразумил. Отобрал часть Закавказья, Бессарабию. Добился автономии для подвластных султану Греции, Сербии, Валахии, Молдавии. Россия начала наступление на хищных соседей в Средней Азии (опять столкнувшись здесь с англичанами). Под властью Николая I в стране развернулась промышленная революция. Были созданы технически передовые текстильная, легкая промышленность, родилось отечественное машиностроение. Прокладывались первые железные и шоссейные дороги, линии телеграфа. Производство хлопчатобумажных тканей увеличилось в 30 раз, объем продукции машиностроения – в 33 раза! Хотя тем самым Россия становилась и серьезным экономическим, торговым конкурентом для западных держав.

А в 1848–1849 гг. всю Европу охватил пожар революций. Спасла ее Россия. Ввела войска, утихомирив бушевавшие Молдавию и Валахию. Русские эскадры остановили германских революционеров от захвата Дании. Русские полки раздавили восстание в Венгрии. Смутьяны в других странах перепугались, что к ним тоже нагрянут «казаки», и ситуация стала успокаиваться. Это чрезвычайно подняло авторитет царя, наша страна показала себя стабилизирующей силой для всей Европы, удержав ее от обвала в полный хаос. Но это стало и последней каплей – на революциях грели руки те же британцы, и Россия проявила себя помехой для их закулисной политики.

В одиночку выступать против нашей страны уже никто не осмеливался. Однако Лондон тайно сколотил мощнейшую международную коалицию. Для затравки опять выпустили Турцию, и неожиданно к ней присоединились Англия, Франция, Сардинское королевство (Северная Италия), бригады добровольцев из Германии и Швейцарии. Официально в войну не вступили, но поддержали врагов России Австро-Венгрия, Пруссия, Дания. Строились грандиозные планы – разгромить и расчленив нашу страну. Возродить Польшу (отдав ей Правобереж-

ную Украину, Белоруссию, Литву), отторгнуть Прибалтику, Финляндию, Крым, Закавказье, а на Северном Кавказе создать государство Шамиля...

Но Россия выдержала даже удар почти всей Европы. Неприятеля понесли колоссальные потери, положили свои элитные соединения, истекли кровью и такой ценой сумели захватить лишь беззащитные Евпаторию, Керчь и... отнюдь не Севастополь, а южную его сторону со скороспелыми земляными укреплениями. После чего на Северную с долговременными каменными фортами лезть даже не пытались. Завязли, больше ни на что не способные. Все атаки врагов на Балтике, Дальнем Востоке, на Белом и Азовском морях, на Одессу, Николаев, Тамань были отбиты. В Закавказье русские распотрошили несколько турецких армий, взяли Карс, Ардаган, Баязет, вышли к Эрзеруму. А попутно Россия сумела присоединить и начала осваивать Приамурье, Приморье, утвердилась на Тихом океане.

Можно ли тут было говорить, что она проиграла войну? Но исключительно «вовремя» умер Николай I, который никогда не признал бы поражения, которого не было. А наследника Александра заблаговременно окружили либеральные советники, убедившие его, что выхода нет и надо мириться любой ценой. Впрочем, и цена стала совсем не такой, как изначальные проекты лорда Палмерстона и Наполеона III. О расчленении России больше никто не заикался. Но главным в Парижских трактатах стало именно то, что наша страна признала себя побежденной! Это рушило всю систему международных отношений, существовавшую с Наполеоновских войн! Россия свергалась с роли одного из лидеров международной политики! Уступала ее англичанам и французам! Черное море признавалось нейтральным, с запретом любым военным кораблям заходить туда. Россия лишалась права иметь флот и военные базы на берегах Черного моря – но и Турция лишалась тех же прав. Также Россия лишалась исключительного права покровительства христианам в Османской империи, протектората над Молдавией, Валахией, Сербией.

А внутри нашей страны как раз пропагандистские штампы «поражения» и «осталости» стали отличным инструментом для манипулирования царем, открыли дорогу либеральным реформам. Некоторые из них были нужными и полезными. Освобождение крестьян, перевод армии с рекрутской системы на всеобщую воинскую повинность. Но и то, и другое готовил еще Николай I, только не успел или не сумел осуществить. Однако грянула натуральная «перестройка». Трехединую формулу «Православие – Самодержавие – Народность» сменили другие приоритеты «Устность – Гласность – Гражданственность». Была порушена цензура, сохранившись лишь формально. Выплеснулся мутный поток либеральной литературы с оголтелым критиканством, оплевыванием прошлого, национальным самоуничижением. Амнистии выпустили на свободу политических преступников с возведением их в ранг героев.

Земская реформа породила либеральные говорильни по всей стране, кузницы «прогрессивных» кадров, причем получившие под контроль сельские системы образования и здравоохранения. Суды присяжных замутили правосудие. Зато промышленный подъем сменился кризисом и упадком отечественной экономики. На наш рынок хлынули иностранные, в первую очередь британские товары, удушая российское производство. Даже оружие для армии стали закупать за рубежом. Американцам за бесценок продали Аляску, японцам за «просто так» подарили Курильские острова...

На международной арене теперь рулили Англия и Франция. Оголтело ринулись захватывать колонии, покорять «дикарей». Опиумными войнами влезли в Китай, заваливая его наркотиками и тем самым ослабляя его, подрывая хозяйство. Реализовали давний масонский проект на Балканах. До Крымской войны в Молдавии и Валахии население относилось к русским как к братьям, а правительствами рулили царские уполномоченные. Теперь их объединили в Румынию, профранцузскую и враждебную России. Под влияние Парижа и Лондона активно втягивали и интеллигенцию Сербии, Греции, Болгарии.

Англо-французским проектом стало и объединение Италии: поощрили Сардинское королевство за войну с Россией и ликвидировали Неаполитанское за симпатии к нашей стране. Но заявила о себе и Пруссия. «Германский мир», официально называвшийся «Священной Римской империей», представлял собой несколько десятков королевств, княжеств, вольных городов. Номинально возглавлял их австрийский император из династии Габсбургов. А в Пруссии умер либеральный король Фридрих Вильгельм, шедший на поводу у западных держав. На трон взошел его брат Вильгельм, давний сторонник союза с Россией. Он реорганизовал армию, нашел подходящего канцлера Бисмарка и ценнейший капитал дружбы с нашей страной использовал в полной мере. Пруссия спровоцировала конфликт и вдребезги разгромила Австрию. Агрессивная Франция сама полезла в драку и нарвалась на то же самое. Вильгельм отобрал у нее Эльзас и Лотарингию, наложил контрибуцию в 5 млрд франков. А главное, победы объединили Германию. В пышных декорациях захваченного Версаля Вильгельм был провозглашен императором.

Россия в обеих войнах очень помогла ему. Расквиталась с Австрией за ее позицию в Крымскую войну, выдвигая войска к границам и оттягивая на себя силы, не позволив вмешаться на стороне французов. Вильгельм слал Александру II благодарственные телеграммы. Русские тоже были в выигрыше, они разорвали Парижский трактат с запретом иметь черноморский флот. Но... сразу после победы начальник прусского генштаба Мольтке начал разрабатывать план войны против России... Германская империя, родившаяся под грохот пушек, вообще стала чрезвычайно воинственной. Теперь она уже нацеливалась на роль европейского лидера. В 1875 г. Бисмарк вздумал окончательно добить Францию. Французы в панике обратились к России. В Петербурге отдавали себе отчет, что нарастание германской агрессии представляет угрозу и для нашей страны. Заступились за Францию, и немцы не осмелились напасть. Хотя вскоре отомстили.

В Османской империи под влиянием англичан и французов начались демократические реформы. Но они резко ухудшили положения христиан, на них перекладывали повинности, поборы, местные суды не защищали их, и грабежи, убийства, похищения женщин оставались безнаказанными. В 1875 г. восстали Босния, Герцеговина, Болгария. Турецкие каратели устроили массовую резню. Россия зывала к «оркестру мировых держав», требуя вмешаться, но Англия блокировала ее предложения. Тогда Александр II объявил султану войну, заверив западные державы, что не будет присоединять балканские области. Турок разбили, в пригороде Константинополя Сан-Стефано подписали мир.

И тут-то против России снова вздыбился объединенный фронт всей Европы! Вооружались Англия, Австрия, к ним примкнули недавно спасенная Франция, Италия, даже союзная Румыния. Но Бисмарк изобразил, будто поддерживает царя, выступил посредником, созвав конгресс в Берлине. А на заседаниях вдруг принял сторону англичан. Конгресс стал чудовищным дипломатическим поражением русских. На них нажали совместными силами, заставив изменить мирный договор. Правда, за Россией оставили занятые ею на Кавказе Карс, Ардаган, Батум. Но для нашей страны был весьма болезненным вопрос о черноморских проливах. Она не стремилась обладать Босфором и Дарданеллами, как нередко изображала западная пропаганда. Ей требовалось всего лишь право свободного прохода через проливы, через них шел экспорт российского зерна. Нет, западные державы подтвердили право султана закрывать проливы. Боснию и Герцеговину вместо автономии номинально оставили в составе Турции, но «временно» отдали Австро-Венгрии. Румыния, Сербия и Черногория получили независимость, Болгария – автономию, но их территории урезали, границы перекроили, перессорив балканские народы между собой.

Берлинский конгресс имел и другие последствия. Турецкий султан Абдул-Гамид обиделся на англичан. Забрали «за услуги» Кипр, а от войны с русскими уклонились. А немцы выступили «бескорыстными» друзьями. Османская империя стала сближаться с Берлином.

(Британцы отреагировали. Оккупировали у турок еще и Египет – немцы и этим не преминули воспользоваться, занимая все более прочные позиции в Константинополе). Ну а Австрия, хапнув Боснию и Герцеговину, теперь боялась русских. И Бисмарк повернул ее от вражды к дружбе, предложив альянс. Постарался вовлечь и Италию, и в 1882 г. был образован Тройственный союз.

Глава 2. Антанта

В XIX в. «величие» той или иной державы определялось в первую очередь колониальными владениями. Их ограбление как раз и обеспечивало развитие европейской науки, техники, искусства, образования. Считалось само собой разумеющимся, что белая раса призвана господствовать над миром, а прочие народы – всего лишь «дикари». Поэтому колонизаторы ничуть не считали себя хищниками. Официально утверждалось, что они выполняют благую миссию управлять «неполноценными» народами, а взамен выкачиваемых богатств «дикари» получают западную культуру.

Исключением была Россия. Она развивалась и богатела за счет собственных ресурсов. Ее пространства, раскинувшиеся от Балтики до Тихого океана, являлись не колониями, а органическими частями империи. Грузины, литовцы, якуты в составе государства были полноправными «русскими» – в отличие от индусов в Британии или вьетнамцев во Франции. Держава была многонациональной и многоконфессиональной, царь выступал покровителем всех традиционных религий, хотя ранг государственной занимало Православие. Кстати, внутри империи вообще не было разделения по национальностям, только по вероисповедениям. Быть православным автоматически подразумевало быть русским. А Самодержавие и Православие обеспечивали монолитность и несокрушимость Отечества.

Но либеральные реформы расшатывали национальное самосознание. Космополитизация, ориентация на западную, материалистическую систему ценностей, на западные взгляды и оценки. Европа объявлялась идеалом для подражания с отвержением своего, русского. В учебных заведениях делался упор на западные труды. Зараза распространялась все шире. На все традиционное, патриотическое, направленное на укрепление государства, стали вешать ярлык «реакционного», а деструктивное объявлять «прогрессивным». А такая система провоцировала соскальзывание ко все более «прогрессивным» учениям. От либерализма и земской «демократии» – к кружкам нигилистов, анархистов, социалистов.

А на разгуле революционеров умело играли и либералы в окружении царя. Внушали, что силовые меры ничего не дают, только раздражают «общественность». Что нужны новые уступки, новые витки реформ. Дошло до проработок конституции. Однако накануне подписания соответствующего Манифеста Александр II пал от руки террористов.

На престол взошел Александр III, резко выправил курс накренившегося корабля России. Издал Манифест о незыблемости Самодержавия. Реформаторов из правительства разогнал. Во главу угла возвратилась триада «Православие – Самодержавие – Народность». Революционеров решительно разгромили. Ужесточилась цензура. Усиливался контроль за органами самоуправления и общественными организациями. А ориентацию на Запад Александр III вообще отверг, поставив на первое место национальные ценности. Твердое наведение порядка в стране сказалось и в экономике. Кризис опять сменился бурным подъемом промышленности и сельского хозяйства. Производство чугуна, стали, нефти, угля подскочило рекордными темпами. Армия получала новейшее в то время вооружение. Строился могучий флот – по количеству боевых кораблей он снова вышел на третье место в мире после Англии и Франции.

Высокими темпами развивалась и Германия, направившая на развитие своей промышленности средства от французской контрибуции. Немецкое производство вышло на второе место в мире после Англии, а по некоторым направлениям и на первое. А фанфары недавних побед по-прежнему кружили головы. Военно-морской министр Каприви заявлял, что следующей «войной у нас будет война на два фронта – с Россией и Францией». Начальник генштаба Мольтке в 1875 г. составил второй план войны против русских, а в 1879 г. третий. Впрочем,

он трезво оценивал могущество нашей страны. По его расчетам совместными ударами немцев и австрийцев получилось бы отобрать только Польшу, и сражаться пришлось бы 7 лет. Пожалуй, дороговато за Польшу.

А Бисмарк учил, что воевать с Россией вообще нельзя. Можно интриговать, столкнуть ее с кем-то, но самим – ни в коем случае. Он хорошо знал нашу страну, успел послужить послом в Петербурге и указывал: главная сила России не в территориях и армиях, а в народе. Именно народ и есть Россия. Поэтому сокрушить ее невозможно. Даже если добьешься успеха, потом придется жить под угрозой ответного удара. Бисмарк немало напакостил русским, но не был их врагом. Он искал выгоды для Германии – в том числе за счет России. Однако в борьбе за колонии соперницей немцев становилась не Россия, а Англия. Которая и для нашей страны была главным врагом. Поэтому немецкий канцлер совершил резкий поворот. Обратился в Петербург, и в 1887 г. был заключен тайный «договор перестраховки» о мире и дружбе на 3 года.

Хотя союз оказался недолгим. В 1888 г. умер кайзер Вильгельм. Вскоре ушел в мир иной его сын и наследник, на престоле оказался внук Вильгельм II. Ему не повезло уже при появлении на свет. При родах ребенку нанесли серьезную травму, у него не работала рука. Он рос с комплексами, вздорным и неуравновешенным. А детство прошло в атмосфере военного угара, торжества побед над австрийцами и французами, и маленький инвалид тоже грезил о сражениях. Путешествуя по европейским дворам, в Петербурге он познакомился со своим кузеном, наследником престола Николаем Александровичем, они подружились.

Но Александру III очень не понравились планы Вильгельма перекроить мир и постоянная болтовня об этом. Его проекты отвергли, и кайзер обиделся. Он был вообще обидчивым. Бисмарк пробовал поправлять его в политических вопросах, но кайзер считал такую опеку унижительной. В 1890 г. обвинил канцлера в «слишком русофильской политике» и отправил в отставку. Назначил на его место русофоб Каприви, расторгшего «договор перестраховки». Сотрудничество между «тевтонами и славянами» он называл «исторически неуместным», заявлял об «удовлетворении народно-психологической потребности в войне с Россией». Союз с Австрией преобразовали из оборонительного в наступательный. Стали сближаться с Англией. Что ж, Петербург отреагировал. В 1893 г. был заключен оборонительный союз с Францией.

В борьбу за колонии Германия вступила «на новенького», но очень активно. Спешила захватить что еще оставалось независимым в Африке, Океании, зацепиться в Китае. Но при попытке прибрать к рукам Филиппины немецкую эскадру прогнал американский флот. А во время Англо-бурской войны Вильгельм загорелся принять буров под свой протекторат. Но ему объяснили, что этого делать нельзя – британский флот господствует на море и не позволит перевезти в Южную Африку германские войска.

Отсюда следовал вывод: чтобы вести полноценную колониальную политику, надо иметь мощный флот. Германия приняла одну за другой несколько судостроительных программ. Однако на вопросы морского могущества очень болезненно реагировала Англия. Ее колонии были связаны с метрополией только морем, нарушение коммуникаций грозило распадом всей Британской империи. По мере наращивания германского флота отношения с англичанами становились все более натянутыми.

А в дополнение к балканскому узлу противоречий завязался еще один. В Османской империи проживало около 2 млн армян. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Берлинский конгресс постановил, что султан Абдул-Гамид обязан провести реформы по обеспечению их прав. Турки спустили эти решения на тормозах, армяне жаловались на притеснения. Кое-где возникли и отряды сопротивления. Султан решил покарать строптивцев, в 1894 г. устроил резню армян в высокогорном Сасуне. Россия, Франция и Англия заявили совместный протест. Абдул-Гамид рассвирепел. От Османской империи уже отпала западная часть, греки, сербы, болгары, а теперь еще и армяне захотят отделиться с восточной частью?

Султан решил просто истребить армян или так запугать, чтобы пикнуть не смели. Организовал банды «гамидие» из добровольцев и уголовников, к ним подключились полиция и войска, и было перерезано 300 тыс. человек, 100 тыс. бежали за границу. Разразился скандал на весь мир, в прессу выплеснулись жуткие подробности. Усилиями международной дипломатии бойню удалось остановить. Но от решительных мер западные державы уклонились, на Турцию не было наложено никаких санкций.

А единственным «другом» султана выступила Германия, не поддержав никаких протестов – и получив за это щедрые благодарности: концессии, торговые и экономические привилегии. В 1898 г. Вильгельм нанес визит в Константинополь, ему устроили пышную встречу. Было подписано соглашение о строительстве Багдадской железной дороги – она должна была протянуться от Берлина и Вены через Балканы, через Малую Азию до Ирака. А в Дамаске кайзер разразился речью, объявив себя... покровителем всех мусульман. Пояснял, что через эту дружбу возникнет «военная держава, которая может стать угрозой не только для Франции, России и Великобритании, но и для всего мира». А в Петербург было направлено предупреждение: «Если Россия выступит в защиту турецких армян», то и Германия двинет в Турцию войска.

В международных отношениях стали сказываться и другие явления. К рубежу XIX–XX вв. сложился «финансовый интернационал». Крупные банкиры в разных странах переплетались родственными узами, деловыми связями. Но банкирские круги через подконтрольную им прессу определяли и «общественное мнение» различных государств. Они имели огромное влияние на правительства – ведь победа на выборах определялась финансовыми возможностями сторон. Связи между политическими и деловыми кругами даже не скрывались, и сама политика направлялась в зависимости от интересов американских, британских, французских банков и промышленных корпораций. А кроме родственных и деловых связей, бизнесмены и политики переплетались другими – масонскими. Это обеспечивало поддержку, знакомства, координацию действий. В британских и французских органах власти, армиях, спецслужбах для человека, не принадлежащего к «вольным каменщикам», карьера стала вообще невозможной. Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяли взаимодействовать структурам в разных странах, объединять усилия на тех или иных направлениях. Возникла система, которую русский философ И. А. Ильин впоследствии назвал «мировой закулисой».

А в мировое соперничество включались новые державы. Традиционной политикой США был изоляционизм. Согласно доктрине Монро, американцы не допускали европейцев вмешиваться в дела своего континента, но и сами в европейские хитросплетения не лезли, грабили латиноамериканских соседей. А со временем они освоили обширные пространства до Тихого океана, отвоевали огромные территории у Мексики. Аппетиты стали расти, и США развернули планы широкой экспансии в Тихоокеанском регионе.

Из феодальной самоизоляции вышла Япония, встала на путь промышленного развития. Ее бурная энергия быстро нацелилась в агрессивное русло. В 1894–1895 гг. она нанесла сокрушительное поражение Китаю, заставив уступить права на Корею и ряд территорий: Маньчжурию, Ляодунский полуостров. А в перспективе нетрудно было угадать дальнейшее покорение всей страны, как и случилось в 1930-х. Но Токио решительно осадили Россия, Франция, Германия. Поддержали Англия и США, их аппетиты Японии никак не устраивали. Ей пришлось отказаться от своих завоеваний.

А в России после смерти Александра III взошел на престол Николай II. Он помог не только Китаю. Спас и Эфиопию, с русской поддержкой она отбилась от итальянских захватчиков. Но Николай Александрович сумел осознать и губительность подобной борьбы за пределы земного шара, опасность ее перерастания в глобальную войну. В 1899 г., впервые в истории, он предложил провести всемирную конференцию по сокращению вооружений и мирному

урегулированию конфликтов. Однако в ту эпоху «цивилизованные» страны сочли идею царя полным абсурдом. Николая II подняли на смех, газеты с издевкой писали, что «российское правительство решило сэкономить на своих военных расходах».

Правительства вынуждены были согласиться – на словах-то все были «за мир». Но отнеслись к конференции, созванной в Гааге, как к пустому фарсу. Вильгельм II говорил: «Я согласен с этой тупой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч! И чихал я на все постановления!» Британское военное министерство выражало те же мысли более деликатно: «Нежелательно соглашаться на какие-либо ограничения по дальнейшему развитию сил разрушения... Нежелательно соглашаться на изменения международного свода законов и обычаев войны». Конференция закончилась ничем.

Хотя для России мирное развитие сулило гораздо большие выгоды, чем победы в любых гипотетических войнах. Она набирала силу, богатели. С 1891 г. строила Транссибирскую магистраль, открывающую возможности к освоению богатств Сибири, широкие двери к Тихому океану. Да и миротворчество давало вполне ощутимые плоды. По договору с Китаем наша страна обязалась защищать его, за что получила концессии на строительство Китайско-Восточной железной дороги, в аренду на 25 лет Ляодунский полуостров (пустынный, местных жителей японцы вырезали). Там началось строительство военно-морской базы Порт-Артур.

От международного сотрудничества Россия не отказывалась. В 1900 г. в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней. Мятежники видели все беды своей страны в засилии иноземцев, убивали европейцев, продавшихся им соотечественников. На их сторону перешла китайская армия. Они захватили Пекин, осадили квартал иностранных миссий. Для подавления формировали экспедиционный корпус из немцев, англичан, японцев, французов, итальянцев. Пригласили и русских. Царь согласился – китайцы погромили поселки русских железнодорожников, банды хунхузов нападали на российскую территорию. Причем наши войска сыграли решающую роль. Раскидали мятежников еще до прибытия контингентов из Европы.

Но могущество России и укрепление ее позиций в Китае, на Тихом океане делали ее слишком сильной конкуренткой западных держав. В «старой» зоне соперничества, на Черном море, Балканах, Кавказе они привыкли использовать Турцию, натравливая ее на русских. На Дальнем Востоке аналогичным инструментом стала Япония. После завоеваний в Китае великие державы окорачивали и выпроваживали ее вместе. Однако обиды японцев принялись перенацеливать исключительно на русских.

По приказам Токио на британских и американских верфях спускались на воду новейшие броненосцы, крейсера, миноносцы. В 1902 г. Англия заключила с Японией военный союз против России. Их сторону приняли США. Усилиями американских банкиров японцы получили колоссальные военные займы и в феврале 1904 г. вероломно напали на русских. А наша страна... снова очутилась в международной изоляции! К ее врагам примкнула Турция. Закрыла проливы, и мощный Черноморский флот оказался запертым. Абдул-Гамид начал сосредотачивать войска на границе, натравливать на русских племена Северного Ирана – царю пришлось ввести туда воинские части. Франция считалась официальным союзником России, но она в 1904 г. заключила соглашение с Англией, родилась Антанта (от французского «антант кордиаль» – «сердечное согласие»). И направлена она была против нашей страны. Франция запретила русским кораблям заходить в свои порты, пресса и парламент поливали нашу Россию грязью.

Единственным «другом» вроде бы выступила Германия. Продавала снабжение, предоставляла базы. Вильгельм демонстративно поддерживал царя. Но совсем не бескорыстно. За это России навязали кабальный торговый договор на 10 лет. Немцы получили возможность чуть ли не беспощинно ввозить свои товары и массу других привилегий. Вильгельм был не против и углубить альянс. В Бьерке, в финских шхерах, состоялась их встреча на яхтах

с Николаем II. Кайзер предложил царю союз для «поддержания мира в Европе» – нацеленный в первую очередь против Англии. Николай Александрович согласился с рядом оговорок – что договор будет более широким и направленным именно на «поддержание мира».

Но как только оба монарха вернулись в свои столицы, их окружение постаралось разрушить достигнутые соглашения. Российский МИД доказывал царю, что ни о каком «поддержании мира» речи не идет, договор означает войну с Францией. А большинство германских политиков и военных полагало, что воевать надо в другом союзе – с англичанами против русских. В 1905 г. начальник генштаба Шлиффен разработал окончательный план войны – последовательно сокрушить Францию и Россию.

Тем временем пал Порт-Артур, под Цусимой погибла эскадра Рождественского, Куропаткину в Маньчжурии пришлось отступать. Но Россия отнюдь не проиграла войну. Японию измотали в оборонительных боях, ее армия была обескровлена. На Дальний Восток непрерывным потоком шли русские подкрепления. К лету 1905 г. на фронте стояли уже 38 полнокровных свежих дивизий – против 20 вражеских, потрепанных и повывбитых. Потери японцев были вдвое больше, резервы иссякли, пополнения прибывали необученные, из зеленой молодежи и старших возрастов. Наступление царских войск должно было стать однозначно победным.

Но... враги России играли наверняка. Ещё накануне войны при поддержке западных спецслужб по Европе настоящим «конвейером» покатались съезды революционеров, создавались партии социал-демократов, эсеров, анархистов, польских социалистов, либералы организовывались в костяки будущих партий кадетов и октябристов. Тылы России взорвали революцией. Она парализовала пути сообщения, закупорила мятежами Транссибирскую магистраль, от которой целиком зависела армия. В таких условиях царское правительство предпочло прекратить войну. Но и в Токио отлично понимали, что их положение очень незавидное, если бы не революция... Едва прозвучали предложения о мире, ухватились двумя руками. Удовлетворились самыми скромными уступками – получили спорный Ляодунский полуостров, право утвердиться в Корее, а из российских территорий лишь Южный Сахалин...

Однако и рядом с царем, в правительстве уже сформировалось мощное либеральное крыло, действовали агенты влияния западных держав и «мировой закулисы». Революцию они использовали для возобновления реформ в самой России. Премьер-министр Витте, великий князь Николай Николаевич и их единомышленники сумели внушить царю, что это единственный путь успокоить умы и нормализовать ситуацию. Продавили Манифест от 17 октября 1905 г., даровавший стране демократические свободы, учредивший парламент – Государственную думу, объявивший политическую амнистию. Но никакого примирения это не принесло. Наоборот, открылась легальная дорога на атаки на власть. Начались вооруженные восстания, ширился терроризм – и действительными оказывались отнюдь не уступки, а жесткие силовые меры.

Западный мир дружно поддерживал революцию. Вся зарубежная пресса дружно выла и гневно клеймила подавление мятежей, казни террористов. Отметим, по приговорам военно-полевых судов было казнено 683 человека, в 15 раз меньше, чем погибло от рук террористов, и в 30 раз меньше, чем расстреляли французы при усмирении Парижской коммуны. Но кого интересовали подобные «мелочи»? В Англии царя величали «обыкновенным убийцей», а Россию провозглашали «страной кнута, погромов и казненных революционеров». Французские и британские банки отзывали из России свои капиталы, обвалили российские ценные бумаги и кредиты выделять отказывались.

Но увлекшиеся западные державы забыли про Германию. А она сочла, что Россия выбыла из строя – значит, можно действовать. Кайзер, совершая круиз по Средиземному морю, сошел на берег в Марокко, французской полуколонии, и сделал ряд громких заявлений. Указал, что готов всеми силами поддержать суверенитет Марокко, потребовал для Германии таких же прав в этой стране, как у французов. Вот тут-то в Париже перепугались. Поняли, что дело

не в Марокко, что Вильгельм ищет повод для ссоры. А германский генштаб настаивал, что даже и повода не надо – надо просто шарахнуть по французам. Призадумались и в Англии. После гибели в Порт-Артуре и под Цусимой двух русских эскадр главной ее соперницей на морях становилась Германия. Если она раскатает Францию, то будет полной хозяйкой в континентальной Европе. В общем, получалось, что Россия еще нужна.

Финансовые потоки из-за рубежа, питавшие революцию, резко пресеклись. Франция быстренько изменила отношение к русским, ее правительство заключило со своими банкирами и парламентариями особое соглашение: «Считать мирное развитие мощи России главным залогом нашей национальной независимости». Царю немедленно выделили необходимые кредиты. Англия тоже заявила о готовности поддержать Францию, и Вильгельму пришлось пойти на попятную. Британская «общественность» все еще продолжала вопить, что «руки царя обогреты кровью тысяч лучших его подданных», но правительство Англии принялось налаживать связи с русскими, заключило конвенцию о разграничении сфер влияния в спорных регионах. В 1908 г. король Эдуард VII прибыл на яхте в Ревель (Таллин), встретился с Николаем II и красноречиво возвел его в звание британского адмирала. В ответ последовал визит Николая Александровича в Лондон...

Вот так к союзу Англии и Франции примкнули русские. Впрочем, Антанта и Тройственный союз не были монолитными военно-политическими блоками. Соглашения между государствами обеих коалиций имели массу оговорок, позволявших при желании отказаться от них. Альянс России и Франции даже не был ратифицирован французским парламентом. А не взяла на себя никаких обязательств, обещала разве что «учитывать интересы» партнеров. Ну а для царя гораздо важнее была его старая идея мирного урегулирования. К ней снова вернулись. В 1906 г. в Женеве была принята международная конвенция об обращении с ранеными, больными и пленными. В 1907 г. в Гааге состоялась вторая конференция по проблемам мира и разоружения. Но принципы международного арбитража отвергла Германия. А сокращение вооружений заблокировала Англия – объяснила, что это подорвет экономику и вызовет массовую безработицу. Конференция только выработала нормы ведения войны и создала международный Гаагский суд для решения спорных вопросов.

Глава 3. Россия перед схваткой

Бурный экономический подъем, начавшийся при Александре III, продолжался и при Николае II. За 13 предвоенных лет объем промышленного производства вырос втрое. Огромная страна покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, нефтепромыслы Баку и Грозного. Россия создала крупнейшую и лучшую в мире нефтеперерабатывающую промышленность. Быстро развивалось машиностроение. 63 % оборудования средств производства изготовлялись на отечественных предприятиях. Были построены такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмоскowie, Иваново, Лодзи и др. Текстильная продукция полностью обеспечивала саму Россию, широко шла на экспорт.

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность ничуть не уступали. В стране насчитывалось 21 млн лошадей (всего в мире – 75 млн). 60 % крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. На мировом рынке продовольствия она являлась абсолютным лидером. Занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна, сахара. Половина продуктов, продававшихся в Европе, были российскими. Между 1890 и 1914 г. объем внешней торговли утроился.

Объем зарубежных вложений в отечественную промышленность составлял 9–14 %, примерно столько же, сколько в западных странах. Это было нормальным явлением, привлекать иностранные инвестиции. Внешний долг России к 1914 г. (8 млрд франков – 2,996 млрд руб.) был вдвое меньше, чем внешний долг США. В отношениях с зарубежными партнерами исключением являлся лишь договор с Германией, навязанный в японскую войну. Немцы с лихвой пользовались полученными односторонними выгодами. Их товары составляли половину импорта в Россию, подавляли аналогичные отечественные отрасли. Приходилось покупать даже не нужное нашей стране прусское зерно. Причем оно выращивалось руками русских – немцы нанимали в западных губерниях десятки тысяч сезонников. Германский капитал захватил под контроль половину российских торговых фирм, часть банков, судостроительных и судоходных компаний, две трети электротехнических предприятий. Но в 1914 г. срок договора истек, и продлять его Петербург отказался. Немцев поставили в равные условия с другими государствами.

По темпам роста промышленной продукции и роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив США – которые также переживали период бурного подъема. По объему производства наша страна занимала четвертое, а по доходам на душу населения – пятое место в мире. Впрочем, эти цифры являются некорректными. Потому что в системы экономики западных держав были включены и колонии (или, у США, сырьевые придатки). За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний в расчет не принимались. И если бы к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана и т. д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

Средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй по величине в мире (после США). В 1912 г. (раньше, чем в США и ряде европейских стран), Россия приняла закон о социальном страховании рабочих. Реформы Столыпина улучшили положение крестьян. Из районов, где не хватало земли, началось широкое переселение на просторы Сибири, Казахстана, Дальнего Востока – землю там получили 3 млн человек.

Население России достигло 160 млн и быстро росло. Рождаемость была очень высокой – 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было обычным. По подсчетам Менделеева, во второй половине XX в. численность жителей России должна была перевалить за 600 млн. 30 % детей получали среднее образование – заканчивали гимназии, реальные училища, земские школы. Практически все деревенские мальчики и девочки ходили в церковно-приходские школы, обучаясь там закону Божию, чтению, письму. А в 1912 г. был принят закон о всеобщем начальном образовании. К началу XX в. достигли высочайшего расцвета русская наука и культура.

Царский Манифест от 17 октября 1905 г. дал России те же самые политические свободы, какие были в западных государствах (только сравнивать надо с началом XX в. – всеобщего избирательного права еще не было нигде, оно везде ограничивалось социальными, имущественными, половыми и т. п. барьерами). Но в нашей стране имелась и своя специфика. Десятилетия западных влияний и обработки общества как раз сейчас проявлялись в полной мере. Либеральная Дума постоянно находилась в оппозиции императору и правительству, добиваясь неких еще больших «свобод», а поддержку искала за рубежом. Оппозиционные настроения царили и среди интеллигенции. Особенно она тянулась к дружественной (и развращенной) Франции, видела в ней некий идеал. Все чужое, иноземное начинали приравнивать к «прогрессивному», а исконное, национальное – к «реакционному».

Постоянно раздувались страсти и по «еврейскому вопросу». Указами Ивана Грозного, Екатерины I, Елизаветы Петровны проживание иудеев в России запрещалось. Но Екатерина II присоединила Правобережную Украину, Белоруссию, Литву, часть Польши, где было много евреев. Им сохранили права поддерживать свои обычаи, исповедовать веру. Однако и исконным российским землям сохранили их прежние права, в том числе право жить без евреев. Так появилась «черта оседлости», за ее пределами постоянное проживание иудеев не разрешалось. Хотя данное ограничение фактически не действовало. Существовало множество способов обойти его – принять фиктивное крещение, поселиться «временно», закон не распространялся на целый ряд профессий, на учащихся, лиц с высшим образованием. Много евреев было в банковской, промышленной верхушке, в Думе они имели свою национальную группу. Однако формально «черта оседлости» существовала, и на этом усиленно играли враги России за рубежом, им вторили отечественные либералы, поднимая шум об «антисемитизме» царя и властей, о «притеснениях». Периодически устраивались крупные провокации.

Войны наша страна не желала. А возможности столкновения с немцами Николай II и его правительство до 1910 г. вообще всерьез не рассматривали. Да и Дума весьма неохотно и скупое выделяла средства на вооруженные силы. Однако обстановка в Европе стала очень нестабильной. В 1908 г. произошла революция в Османской империи. Организовала ее запрещенная либеральная партия «Иттихад» («Единение и прогресс»), тесно связанная с масонской ложей «Молодая Турция», поэтому членов партии называли и «младотурками». Они провозглашали необходимость парламентаризма по западным образцам, а союзниками привлекли армянские партии «Гнчак» и «Дашнакцутюн».

Абдул-Гамида свергли. Марионеточным султаном провозгласили старика Мехмеда Решада V. А реальную власть захватил триумvirат младотурок – Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша. Но союзников они обманули. Начали реформы, утверждая права только для турок, остальные же нации решили поставить на место. Дошло до столкновений, и в Адане младотурки полностью повторили методы Абдул-Гамида, перебив 30 тыс. человек. Хотя при перевороте забурлили и восстания албанцев, македонцев, арабов, курдов. Их жестоко подавляли.

Раздраем в Османской империи воспользовалась и Австро-Венгрия. Объявила о полном присоединении Боснии и Герцеговины, отданных под ее управление в 1878 г., но юридически считавшихся турецкими. Но на эти области издавна претендовала и Сербия. Возмутилась,

начала мобилизацию. К её границам выдвинулись австрийские войска. А кайзер Вильгельм вдруг предъявил царю ультиматум. Требовал безоговорочно согласиться на действия Вены, еще и надавить на Сербию – иначе угрожал выступить «во всеоружии». Тут уж вскипели русские министры, военные, Дума. Негодовали, что на Россию цыкнули, как на второсортное княжество. Но твердую позицию занял председатель Совета министров Столыпин. Доказал царю: войны нельзя допускать ни в коем случае. Надо поступиться державной гордостью, принять все условия.

В 1910 г. противоречия с Германией попытались разрулить. Царь встретился с «кузеном Вилли» в Потсдаме, предложил договориться о взаимных уступках. Россия обещала не участвовать в английских интригах против Германии, принимала на себя обязательства ненападения, признавала немецкие интересы в Турции. А взамен просила не поддерживать австрийцев на Балканах и признать Северный Иран сферой влияния русских. От участия в союзах, враждебных друг другу, стороны должны были отказаться. Кайзер по-прежнему сохранял личные симпатии к «кузену Никки». С ним беседовал и Столыпин, объясняя, что война может закончиться катастрофой для обеих империй. Вильгельм вроде бы осознал, предложения одобрил. Но... от монархов зависело не всё. Окружение кайзера (как и многие лица в окружении Николая II) было настроено совершенно иначе. Когда стали вырабатывать письменное соглашение, немцы убрали из него все конкретные пункты, в том числе неучастие во враждебных союзах. И поддержку австрийцев не прекратили. А миротворец Столыпин вскоре был убит в Киеве – и тайны преступления остались не раскрытыми до сих пор.

Курс на европейскую войну в Германии фактически не скрывали. Англия предложила ей договориться об ограничении военных флотов – за это немцы потребовали обязательств не вмешиваться в их грядущую схватку с Францией. В 1910 г. Берлин посетил бельгийский король Альберт и был просто шокирован. На балу Вильгельм представил ему генерала Клюка, пояснив, что это тот самый военачальник, который «должен будет возглавить марш на Париж». А начальник генштаба Мольтке (младший) говорил Альберту, что «война с Францией приближается», так как эта держава «провоцирует и раздражает» немцев.

В 1911 г. французы под предлогом наведения порядка окончательно захватили Марокко, и Вильгельм принялся бряцать оружием. Но и Франция, восстановив дружбу с русскими, чувствовала себя уверенно, по ней разлились воинственные манифестации, звучали требования всыпать немцам, вернуть Эльзас и Лотарингию. Кое-как усилиями России и Англии удалось примирить стороны. Но германские военные были очень недовольны, что «пропал» такой предлог к войне. Мольтке писал австрийскому начальнику генштаба фон Конраду: «Остается подать в отставку, распустить армию, отдать всех нас под защиту Японии, после чего мы сможем спокойно делать деньги и превращаться в идиотов».

Не успело успокоиться в одном месте, как заполохало в другом. Османская империя после революции и восстаний пребывала в плачевном состоянии, и итальянцы полезли захватывать у неё Триполитанию (Ливию). Причём военными они оказались отвратительными, турки с арабами били их. Но младотурецкое правительство запросило о мире, поспешило отдать Триполитанию – потому что над Османской империей нависла куда более серьезная опасность. Против нее сколачивалась Балканская лига из Сербии, Черногории, Болгарии и Греции. Россия силилась предотвратить конфликт, ее МИД направил в Белград ноту: «Категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой...» Куда там! Балканские страны сочли, что они и сами справятся.

И действительно, в октябре 1912 г. начали войну, а уже в ноябре разгромленная Турция взывала к великим державам о помощи и посредничестве. Но тут же объявила мобилизацию Австрия, подняла армию Италия – против победителей. Россия и Англия все же добились созыва международной конференции. Она открылась в Лондоне и превратилась в дипломати-

ческую баталию. Сербия и Черногория претендовали на часть Албании и порты на Адриатике. Австрия и Италия при поддержке Германии заявляли, что это будет означать войну.

Президент Франции Пуанкаре подзуживал Николая II поддержать сербов, парижская биржа предлагала ему большой заем на войну. Но царь, к великому разочарованию французов, не поддался. Он считал главным сохранить мир. Сербия и Черногория были вынуждены отказаться от своих требований. Албанию признали автономной. Но быть или не быть войне решалось не в Лондоне, не в Петербурге, а в Берлине. Австрия не соглашалась на предложенные компромиссы, и Вильгельм поощрял ее.

8 декабря он созвал военное руководство. Тема совещания была сформулирована предельно откровенно: «Наилучшее время и метод развертывания войны». По мнению кайзера, начинать надо было немедленно. Австрия должна предъявить Сербии такие требования, чтобы Россия уже не могла не вступить, а Германия обрушится на Францию. Мольтке соглашался, что «большая война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем лучше». Но указывал, что надо сперва провести пропагандистскую подготовку, возбудить народ против русских. Лишь гросс-адмирал Тирпиц возразил, что моряки еще не готовы: «Военно-морской флот был бы заинтересован в том, чтобы передвинуть начало крупномасштабных военных действий на полтора года». В конце концов с его мнением согласились. А полтора года – это получалось *лето 1914-го*.

Что ж, если надо подождать, германский МИД обратился к Вене уже в другом тоне, надавил на нее, и австрийское правительство сразу стало сговорчивым, приняло решения конференции. Но только-только договорились великие державы, как опять подрались малые. Поскольку Сербия и Черногория лишились значительной части завоеваний, они потребовали переделить приобретения Болгарии. Та отказалась, и на нее обрушились вчерашние союзники. К Сербии и Черногории примкнули Греция, Румыния и даже Турция. Наступление на Болгарию развернулось со всех сторон, она за месяц была разбита и капитулировала. Уступила не только завоеванные земли, но и некоторые собственные. А обиделась... на Россию, что не защитила. Не преминули воспользоваться немцы с австрийцами, перетягивая болгар под себя.

Но и туркам война показала, насколько слаба их армия. Они уже безоглядно ринулись под покровительство Германии. Немецкие банки выделяли деньги – получая взамен сказочные привилегии в Турции. Для реорганизации османских вооруженных сил кайзер послал миссию фон Сандерса из 42 генералов и офицеров. Каждый из них получил турецкий чин на ступень выше германского, Сандерс стал фельдмаршалом и командующим в Константинополе.

Россия выразила резкий протест. Она напомнила и о притеснениях армян в Турции, потребовала для них обещанных реформ для них. Но на этот раз Англия и Франция ее не поддержали. Они не теряли надежды восстановить в «демократической» Турции собственное влияние и не желали ссориться. Иттихадисты умело играли на этом, выражали готовность сотрудничать. Для помощи в реорганизации флота пригласили британскую миссию, для реорганизации полиции – французскую.

Царю и его правительству повторяющиеся кризисы показывали, что уступки не помогают, угроза нарастает. Тогда и Россия стала предпринимать меры, чтобы не оказаться неготовой. В 1912 г. была принята судостроительная программа, хотя и гораздо более скромная, чем у немцев, – так, на Балтике предполагалось иметь 4 дредноута и 4 линейных крейсера. Для обороны этого было достаточно, а нападать русские не собирались. А в марте 1914 г. Дума приняла большую военную программу. Предусматривалось увеличить армию, модернизировать вооружение. Завершение обеих программ намечалось к 1917 г.

Глава 4. Русские противники

Облик и дух Германии в начале XX в. определялись тремя составляющими – идеологией пангерманизма, культом кайзера и культом армии. Пангерманизм «логически» завершал западные колониальные теории. Ведь превосходство «белых людей» над «дикарями» считалось общепризнанным. А кто должен занимать первое место среди «белых людей»? Германская нация легко крушила противников в войнах, в короткий срок добилась блестящих успехов в экономике – значит, она самая умная, самая деловая, развитая, и ей по праву должно принадлежать господство в мире.

Строились планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Прибалтика, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Все это соединялось с колониями, которые предстояло отобрать у англичан, французов, бельгийцев, португальцев. Предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку.

Одна за другой выходили книги идеологов пангерманизма: профессора Г. Дельбрюка – «Наследство Бисмарка», П. Рорбаха – «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика», Т. фон Бернгарди – «Германия и следующая война». Отметим, что в кайзеровской милитаризованной Германии подобного рода пропаганда могла быть *только* официальной. И авторы были официальными лицами, Рорбах и Бернгарди – действующими генералами.

Книга Бернгарди, начальника военно-исторического отдела генштаба, вышла в 1911 г. и стала бестселлером, переиздавалась огромными тиражами. Он писал: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать. Германия... стоит во главе всего культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Откуда следовало – надо не избегать войны, а стремиться к ней. «Мы должны сражаться за то, чего мы сейчас хотим достигнуть», «завоевание, таким образом, становится законом необходимости».

Бернгарди указывал и на то, с кем предстоит сражаться: «С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом». «Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры... Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации». «На нас лежит обязанность, действуя наступательно, нанести первый удар».

По всей стране действовали соответствующие общественные организации – «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», и председатель «Пангерманского союза» генерал-лейтенант фон Врохем провозглашал: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается один лишь выход – война».

По указаниям кайзера и министра образования создавались студенческие, юношеские, детские военизированные организации – «Вандерфогель», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд». Эти общества в своих изданиях внушали детям: «Война прекрасна... Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди героев в церковных военных хро-

никах, чем умереть на пустой постели безвестным». В германских магазинах пользовались большим спросом фотографии кронпринца с его изречением: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Места, принадлежащего нам по праву, но добровольно нам не уступленного». Повторялось высказывание Мольтке: «Вечный мир – некрасивая мечта». Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы» и утверждалось «превосходство высшей расы».

Да-да, еще тогда. Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом». Мольтке (действующий начальник генштаба!) писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». «Мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора. Только успех оправдывает войну».

Нетрудно увидеть, что славянофобия и русофобия были важнейшими элементами пангерманизма. Сам кайзер заявлял: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их». В 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания *расы*». Пангерманист В. Хен доказывал, что души русских пропитаны «вековой деспотизмом», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов».

Была популярна идея Бернгарди, как надо поступать с этим «этническим материалом»: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». А Рорбах в книге «Война и политика» рассуждал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности, ибо русская политика в течение продолжительного времени служит угрозой миру и существованию двух центральных европейских держав, Германии и Австро-Венгрии». А миролюбие царя и его готовность идти на уступки воспринимались кайзеровской верхушкой как доказательства слабости и «трусости».

Конечно, не все немцы были пангерманистами. В стране были очень сильны и позиции социалистов, они занимали третью часть мест в парламенте. Но ведь и Маркс с Энгельсом были яркими русофобами, главным препятствием для победы социализма в Европе считали «реакционную» Россию и учили, что любая война против нее заслуживает безусловной поддержки. Их последователи, лидеры германской социал-демократии А. Бебель, В. Либкнехт тоже призывали «встать на защиту европейской цивилизации от ее разложения примитивной Россией», «опередившей всех в терроре и варварстве».

Стремление к войне в Германии стало в полном смысле слова общенародным. Эти настроения как нельзя лучше соответствовали натуре кайзера с его комплексами, жадной славой, склонностью к эффектам. Юридически он был конституционным монархом, но фактически ему не смел перечить никто. В парламенте правые и левые могли как угодно ругаться между собой, но стоило высказать мнение кайзера, и вопрос решался единогласно. Вильгельм

заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел». Он имел чрезвычайно высокое мнение о своих способностях, был крайне тщеславным. Генерал Вальдерзее писал: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как “ура” ревушей толпы».

Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Его портреты висели не только в общественных местах, но и в каждой «приличной» немецкой семье. Ваялись его статуи, художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести. Известный ученый Дейсен провозглашал, что «кайзер поведет нас от Гете к Гомеру и Софоклу, от Канта к Платону». Историк Лампрехт утверждал, что Вильгельм – это «глубокая и самобытная индивидуальность с могучей волей и решающим влиянием, перед которым... раскрывается все обилие ощущений и переживаний художника». Перед войной вышла книга «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии указывалось, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние».

Высочайшим статусом обладали в Германии и военные. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду вооруженных сил. Школьники и студенты оценивали сами себя главным образом по способности к военной службе. В дела армии не позволялось вмешиваться никому, ее представители были неподсудны для гражданских властей. Все ключевые решения принимал сам Вильгельм, и начальник генштаба имел к нему доступ в любой час дня и ночи. Но и армию кайзер воспитывал по-своему.

Еще во Франко-прусской войне немцы отличились чрезмерной жестокостью. Жгли мирные деревни, казнили заложников. Эти качества культивировались и дальше. В речи перед новобранцами Вильгельм поучал: «Может случиться так, что я отдам вам приказ стрелять в своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно». В 1900 г., отправляя экспедиционный корпус в Китай, он приказывал: «Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет к вам в руки, в вашей власти». Германские военные приучались действовать именно так. В 1904–1907 гг. произошло восстание племен гереро в Юго-Западной Африке. При их «усмирении» немецкими войсками генерала фон Тротта из 200 тыс. человек в живых осталось около 15 тыс., да и тех загнали в пустыни Намибии. Нацизма еще не было, а это уже было.

Но военные приготовления Германии велись по двум направлениям, плохо согласованным между собой. Армия готовилась для войны с Францией и Россией – для чего желательным был нейтралитет Англии. А флот наращивался для борьбы с Британией. Гросс-адмирал Тирпиц и его единомышленники отстаивали другой вариант: для достижения мирового господства надо заключить союз с Россией и Японией, а сражаться с Англией. Но они были в явном меньшинстве. Кайзер, правительство во главе с канцлером Бетманом-Гольвегом, армейское командование, промышленники, общественное мнение нацеливались против России и Франции. Надеялись, что Англия все же не вмешается. А задача флота – заставить ее сохранить нейтралитет и после победы захватить французские колонии.

Хотя и против русских с французами Германия в одиночку воевать не могла, должна была держаться за союзников. Главным из них являлась Австро-Венгрия – империя Габсбургов, где занимал трон дряхлый старичок Франц Иосиф. Зоной своих «жизненных интересов» австрийцы видели Балканы. Но эту державу лихорадили и внутренние проблемы. Кроме двух «главных» наций, немцев и венгров, ее населяли хорваты, босняки, сербы, словенцы, румыны, чехи, словаки, поляки, итальянцы, галицийские русины. В империи они стали «второсортными» народами, среди них зрело недовольство. Решение предлагал наследник престола Франц Фердинанд – преобразовать Австро-Венгрию в «триалистическую» Австро-Венгро-Славию. Но немцы и венгры категорически противились, чтобы их уравнили в правах со славянами.

А главной головной болью австрийцы считали Сербию. Причем опасались даже не каких-либо ее враждебных акций, а «плохого примера». Если усилится, будет процветать, вдруг славяне империи Габсбургов, глядя на нее, выйдут из-под контроля, и многонациональная держава развалится? Поэтому в Вене приходили к выводу: необходимо при первом же удобном случае разгромить Сербию, обкорнать ее территории и посадить на престол собственных ставленников. Австро-Венгрия хотела только короткой и локальной войны – побаивалась, что и большая война может привести ее к распаду. Но для Германии локальная война требовалась для розжига глобальной. Она успокаивала союзницу: бояться нечего, вместе победим в два счета. А продвижение австрийцев на Балканы Берлин всемерно поощрял, рассчитывая через них подмять этот регион под себя и соединиться с Турцией.

Хотя отношения Германии и Османской империи были далеки от искренности. Обе стороны темнили и намеревались лишь использовать друг друга. Немцы заверяли турок в лучших чувствах, но замыслили «мирное экономическое завоевание» их страны. Оно уже шло полным ходом. Англичан и французов вытеснили. В Турцию внедрились немецкие банки, фирмы, множились немецкие школы, миссионерские общества, продолжалось строительство Багдадской дороги. В 1913 г. в Берлине под руководством кронпринца Вильгельма было создано особое делопроизводство по закреплению германского влияния в Османской империи.

Ну а правительство младотурок верило, что покровительство Берлина требуется им только ради собственного усиления, а потом от немцев можно будет избавиться. Оно насаждало идеологию пантюркизма и панисламизма, провозглашая превосходство «тюркской расы». Правда, среди самих лидеров «Иттихада» почти не было чистокровных турок. В большинстве это были выходцы из Салоник, «отуречившиеся» греки, евреи, славяне, эмигранты с российского Кавказа. Масонов-младотурок трудно было назвать и правоверными мусульманами, они жили по-европейски, сплошь и рядом нарушали исламские законы. Панисламизм служил для них политическим инструментом. Доказывалось, что первенство в мире должно принадлежать мусульманам, а внутри исламского сообщества – «тюркской расе».

Турецкий идеолог Сами Заде Сурея поучал: «Цивилизация до XX в. принадлежала только мусульманам; европейцы украли ее у мусульманского мира, присвоили себе, а мусульмане на определенное время, благодаря своей беспечности, отстали от них». Отсюда следовал призыв ко всем мусульманам объединиться вокруг халифа, т. е. турецкого султана. «Когда мы достигнем этой цели, мы, без сомнения, станем нацией, господствующей над миром». В Константинополе содержали политических эмигрантов из Египта, Туниса, Йемена, Индии – чтобы в нужное время поднять эти страны на «священную войну».

А главной целью младотурки видели создание Великого Турана. Вспоминали, что древние турки в VI в. образовали гигантский каганат, простиравшийся от Черного до Желтого морей, – и объявляли себя их наследниками. Один из главных теоретиков пантюркизма Зия Гекальп утверждал: «Политические границы родины турок охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская культура». Патетически вопрошал: «Где ныне Туран? Где же Крым? Что стало с Кавказом? От Казани до Тибета везде только русские».

Турки провозглашались «чистокровной высшей расой», призванной господствовать над другими народами. В 1910 г. на съезде «Иттихада» видный деятель партии Назым говорил: «На Востоке в Азии имеются беспредельные просторы и возможности для нашего развития и расширения. Не забывайте, что наши предки пришли из Турана, и сегодня в Закавказье, как и к востоку от Каспийского моря, на просторных землях тюркоязычные племена составляют почти сплошное население, находящееся, увы, под ярмом нашего векового врага – России. Только в этом направлении открыты наши политические горизонты, и нам остается выполнить наш священный долг: осуществить объединение тюркских племен от Каспийского до Желтого моря...»

Некоторые идеологи шли еще дальше, через древних тюрков устанавливали свои «родственные связи» с гуннами, угорскими народами, и включали в Великий Туран все Поволжье, Венгрию, Финляндию и с какой-то стати Японию, Тайвань. Один из лидеров партии «Иттихад» Текин Альп в книге «Туран» выдвигал программу-минимум и программу-максимум. Минимум был от Стамбула до Байкала и Казани, а максимум, на втором этапе – до Ледовитого океана, Скандинавии, Японского моря. Все это предстояло завоевать «огнем и мечом», провозглашалась эра «новой чингизиады». Правда, в правительстве осознавали, что для «чингизиады» их страна слабовата, и начало глобальной войны планировали где-то в 1925 г. Но ведь ждать было так долго. А в союзе с немцами можно действовать уже сейчас!

Тот же Текин Альп писал: «Если русский деспотизм... будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 млн тюрков получат независимость. Вместе с 10 млн османских турок они образуют нацию... которая так продвинется вперед к великой цивилизации, что, вероятно, сможет сравняться с германской цивилизацией... Она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией». Программа пантюркистского общества «Тюрк гюджу» («Тюркская мощь») восторженно зывала: «Железный кулак турка вновь опустится на планету, и весь мир будет дрожать перед ним». Солдат воспитывали в духе мести «неверным», грядущей «чингизиады». Газета «Азм» наставляла: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других».

В Берлине о химерах иттихадистов, разумеется, знали, но они немцев вполне устраивали. Кайзер не отказался от роли «покровителя мусульман» – колоссальные людские ресурсы исламского мира он намеревался использовать для Германии. Конечно, фантастические идеи дойти до Желтого моря всерьез не воспринимали, но отделить от России Кавказ считали реальным. Пусть перейдет под власть Турции, а эксплуатировать его будет Германия. Самые горячие немецкие теоретики вроде адмирала Лобя раскатывали губы и на большее: захватить «мост» на Кавказ – Украину. Дескать, через нее будет ближе, чем через Турцию. Другой идеолог, Де Лагард, прорабатывал проекты, что от русских надо «очистить» Польшу, Прибалтику, Украину, Крым и район Саратова, где проживают «этнические немцы».

Более трезвые берлинские политики все же учитывали силы России и столь широкие запросы оставляли «про запас». Не для ближайшей войны, а для следующих. Сама же необходимость войны сомнений не вызывала. В 1912–1913 гг. донесения русских военных агентов в Германии и Швейцарии, Базарова и Гурко, сходились на том, что война начнется в 1914 г., причем со стороны Германии. К этому были все основания. Германские военные расходы с 1909 по 1914 г. возросли на 33 % и составили 2 млрд марок в год. В 1911–1912 гг. были приняты законы о чрезвычайном военном налоге, увеличении армии и программа модернизации вооружений. Рассчитана она была на 5 лет, до 1916 г. Но вскоре постановили, что программа должна быть выполнена раньше – к весне 1914 г.

К войне готовились и немецкие спецслужбы. Одним из их руководителей стал крупнейший из немецких банкиров Макс Варбург. Он курировал деятельность «Коммиферейна», профессионального объединения немецких приказчиков и коммивояжеров в разных странах. Для них специалистами военного министерства была разработана форма отчетов, которые они обязаны были регулярно посылать в правление союза. Эти отчеты превратились в полноценные разведдонесения. Циркулярами генштаба № 2348 от 7 апреля 1908 г. и № 2348-бис от 22 июня 1913 г. в представительства германских фирм в России были направлены профессиональные разведчики. Генерал Рорбах предпринял путешествие по России, исследуя разные районы на предмет сепаратистских настроений. Была создана «Лига инородческих народов России» во главе с бароном Экскулем. А общее руководство подрывной деятельностью было возложено на статс-секретаря германского МИДа Циммермана.

Кавказ и Среднюю Азию в 1911–1914 гг. наводнили турецкие эмиссары, действующие под видом купцов, паломников, путешественников. Вели пропаганду, искали связи с антирусскими силами, организовывали подпольные центры. Донесения жандармерии в этот период пестрят известиями о создании панисламистских школ в Шемахе, Агдаме, Геокчае, Темирхан-Шуре, Баку, Балаханах, Сабунчах, Елисаветполе, Шуше, Петровске, Эривани, о появлении панисламистских газет, типографий, прокламаций, о шпионаже, приезде под чужими именами турецких офицеров. Особый отдел канцелярии наместника на Кавказе представил доклад, посвященный панисламизму как новой опасности, угрожающей этому краю. «Учение панисламизма представляет при многочисленности магометанского населения края несомненную политическую опасность для России, так как оно идет к нам из Турции и находится в самой тесной связи с успехами младотурецкого движения в Османской империи». 23 марта 1914 г. наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову доложили: распространяются слухи о близком разрыве между Турцией и Россией, а влиятельный курдский шейх Абдул-Кадыр разослал из Константинополя письма курдским бекам в Персии – чтобы они готовились напасть на русских, когда начнется война, обещал турецкую помощь деньгами и оружием.

Принятие Россией своей военной программы в марте 1914 г. подхлестнуло ее врагов. Мольтке писал: «После 1917 г. мощь России окажется неодолимой», она будет «доминирующей силой в Европе». В мае 1914 г. в Карлсбаде состоялось совещание генштабов Германии и Австро-Венгрии, были окончательно согласованы планы, а насчет сроков войны Мольтке заявил Конраду: «Всякое промедление ослабляет шансы на успех союзников». Началась и психологическая подготовка. Еще не гремели выстрелы, а германские газеты писали о предстоящей «расовой битве». А генерал Брусилов, приехавший в мае 1914 г. на курорт в Киссинген, был поражен городским праздником – на площади построили большой макет московского кремля и подожгли его под радостные крики народа.

Глава 5. Русские союзники

Франция считалась в начале XX в. центром мировой культуры и финансов. Но собственную промышленность развивала слабо. Германские банки действовали по указаниям правительства и вкладывали деньги в основном на родине, а у французов они пользовались полной свободой, ссужали кому угодно. 60 % всех французских капиталов вкладывались за границей, в том числе в Германии – там процент прибыли был вдвое выше, чем в своей стране. А то, что французские толстосумы помогали вооружать будущих врагов, никого не смущало, «деньги не пахнут».

Франция была богатой, легкомысленной. Правда, взбучку от немцев помнили и войны опасались. Но хотели и расквитаться, утрату Эльзаса и Лотарингии называли «национальным позором». А германские провокации, придирки и угрозы вызывали ответное озлобление. Союз с Россией вселял уверенность, что теперь-то победа обеспечена, надо лишь «привести в движение русского гиганта». Тем не менее политика Парижа шарахалась туда-сюда. Демократия разгулялась вовсю, с 1912 по 1914 г. сменилось 7 кабинетов правительства. Одни партии ратовали за войну, другие урезали военные статьи расходов, а левые социалисты во главе с Жоресом вообще намеревались в случае войны начать всеобщую стачку, и в департаментах составлялись списки опасных лиц, при столкновении с немцами их предполагалось арестовать, чтобы не сорвали мобилизацию.

Постепенно становилось ясно, что сражаться все же придется. Президентом был избран воинственный Пуанкаре – уроженец потерянной Лотарингии. В ответ на наращивание германских вооруженных сил Франция в 1913 г. приняла закон об увеличении срока службы с 2 до 3 лет – армия должна была вырасти на 50 %. Хотя выяснилось, что для новых частей нет оружия и снаряжения. Решили вводить реформу постепенно, к 1916 г. Углублялось сотрудничество между французским и русским командованием, генштабистами. В 1913 г. достигли окончательного соглашения о взаимодействии. При объявлении войны Франция начинала действовать на 11-й день мобилизации, а Россия – после 15 дней.

Другая союзница, Великобритания, была самой большой мировой державой – и по площади, и по населению она значительно превосходила Россию. Ведь англичанам принадлежали колонии, разбросанные по всему земному шару. Идея империи, созданной трудами многих поколений, понималась как сверхзадача, однозначно увязывалась с честью, благополучием и самим существованием Англии. Объявлялось о великой миссии британцев, нести «свет культуры и цивилизации» отсталым народам. Но к началу XX в. англичане начали осознавать, что удерживать такие владения трудно. Некоторым колониям, где значительная доля населения состояла из «белых», предоставили права самоуправляемых доминионов – их получили Канада, Новая Зеландия, Австралия, Южная Африка.

Британия уже не стремилась к новым захватам, поэтому стремления к войне не испытывала. Но только при условии – что за ней останется господствующее положение в мире и никто не покусится на ее существующие владения. Претензии Германии на мировое первенство и усиление ее военного флота воспринимались англичанами как жизненная угроза. Многие политики предпочитали все-таки уклониться от схватки – пусть немцы дерутся с французами и русскими. Но вдруг они победят? Тогда британцы останутся с Германией один на один. А если победят русские и французы – без англичан? И без них поделят плоды успехов? В 1912 г., после безуспешных переговоров с Берлином об ограничении флотов, Англия наконец-то взяла на себя конкретные союзные обязательства, заключила морское соглашение

с Францией. Обещала при нападении Германии прикрыть атлантическое побережье. В 1914 г. начались переговоры о военно-морском соглашении с Россией.

Но среди англичан были сильны русофобские настроения. Постоянный подсекретарь МИДа Николсон говорил: «Для меня это такой кошмар, что я должен почти любой ценой поддерживать дружбу с Россией!» А другие британские деятели сомневались: стоит ли выполнять обещания союзникам? Министр иностранных дел Грей заявлял: «Русские ресурсы настолько велики, что в конечном итоге Германия будет истощена даже без помощи Англии». Немцы старались поддерживать пацифистские настроения англичан, вели у них подрывную работу, чтобы увязли в собственных проблемах. Разжигали в Ирландии гражданскую войну между католиками и протестантами, причем продавали оружие тем и другим.

Но Англия была тесно связана и с «родственной» Америкой. А заокеанские круги вели собственную политику. В 1912 г. в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд. Он проходил открыто и торжественно. Газета «Нью-Йорк сан» оповестила, что банкир Герман Лоеб провозгласил задачу «поставить Россию на колени». Для этого был создан специальный фонд, в деле приняли участие крупнейшие финансисты – Ротшильды, Шифф, Барух, Варбург, президент лондонского банка «Джойнт Сток» (и глава «Великой ложи Англии») лорд Мильнер.

Резко активизировалась революционная работа – «мировая закулиса» раскручивала ее через своих агентов Парвуса, Троцкого, Свердлова и др. А чтобы достичь разрушительных целей, война была очень кстати. В США тоже готовились к ней. В 1912 г. тузы Уолл-стрита провели на пост президента свою креатуру Вудро Вильсона. В 1913 г. он добился отмены закона, запрещавшего вывоз американских капиталов за рубеж. Была учреждена Федеральная резервная система, аналог Центробанка, она получила право печатать доллары, но стала не государственным учреждением, а кольцом частных банков. Финансовые магнаты США заранее готовились наживаться на займах и поставках сражающимся сторонам.

Особо стоит коснуться и третьей российской союзницы, Сербии. Простые сербы относились к русским с искренней и горячей любовью. Но в политике было сильно влияние Франции, ее банки и фирмы подмывали сербскую экономику, предоставляли средства на вооружение. Кроме того, в стране существовала «вторая власть». В 1903 г. в Сербии произошел переворот, радикальные офицеры свергли и убили короля Александра Обреновича, возвели на престол Петра Карагеоргиевича. Участники этого путча заняли высокие посты. Их лидер Драгутин Дмитрович стал начальником сербской разведки и сформировал тайную организацию «Черная рука». Она ставила целью создание «Великой Сербии», которая вобрала бы Хорватию, Македонию, Боснию, Герцеговину, Словению.

Мирным путем достичь этого было невозможно, значит, требовалась война – такая, чтобы вовлечь в нее Россию. Офицеры-заговорщики были убежденными патриотами. Они верили, что действительно готовят для своей страны достойное будущее. Но... они были и масонами. А зарубежные центры подогревали и направляли их деятельность в собственных целях. Король Петр и правительство во главе с премьер-министром Пашичем занимали куда более умеренную позицию, стремились сохранить мир. Но они ничего не могли поделать с «Черной рукой». Радикалы имели огромное влияние в армии, парламенте, у них были могущественные покровители за границей, в той же Франции. По всем Балканам они создали сеть террористических организаций – «Млада Босна», «Народна Одбрана», «Свобода», смыкались с анархистами, социалистами. Велась пропаганда, гремели теракты.

В 1914 г. заговорщики Дмитровича с помощью несовершеннолетних юнцов из Боснии начали готовить покушение на австрийского наследника престола Франца Фердинанда – поборника равноправия славян в Австро-Венгрии и одного из главных противников войны с Россией. Об этом узнал премьер Пашич, через сербского посланника в Вене предупредил австрийское правительство. Узнали и русские, тоже передали в Австрию сообщение об опасно-

сти. Но и там в правительстве, в спецслужбах, в армейском командовании действовали скрытые силы и влияния. От Франца Фердинанда предостережения утаили.

Он отправился с визитом в Боснию. В июне «Черная рука» произвела в Сербии очередной переворот, заставила короля Петра передать власть сыну, принцу-регенту Александру – заговорщики надеялись, что он станет для них более удобным монархом. А в Сараево прозвучали выстрелы Гаврилы Принципа, сразившие Франца Фердинанда и его жену. Это было именно то, что требовалось всем сторонникам войны. И произошло именно в нужное время. В Вене шутили, что убийцам надо поставить памятник за такой «подарок». Когда Вильгельм II получил донесение о теракте, он на полях начертил: «Jetzt oder niemals» – «Теперь или никогда».

Глава 6. Началось

Сараевские выстрелы всполошили весь мир, но быстро отодвинулись на второй план – теракты случались и раньше. У всех государств были свои проблемы. Англичанам пришлось в июле подавлять междоусобицу в Ирландии. В Петербурге разразилась массовая забастовка. А внимание Франции заняло сенсационное дело мадам Калло, жены министра финансов – за клевету на мужа она застрелила редактора газеты «Фигаро».

Но начались интенсивные консультации. Германские дипломаты прощупывали позицию Англии, Италии. Правящий триумvirат Турции разъехался вдруг с визитами: Джемаль в Париж, Талаат в Петербург, Энвер в Берлин. Но переговоры с Францией и Россией были лишь маскировкой, они еще не собирались воевать и ничего не могли предложить туркам. А немцев подразнили этими переговорами, чтобы были пощеднее, и в Берлине Энвер достиг нужного соглашения. В Россию отправились и президент Франции Пуанкаре с премьером Вивиани. Когда им представили дипломатический корпус в Петербурге, Пуанкаре намекнул послу Австрии, что «у Сербии много друзей», а посла Сербии успокоил – дескать, может и обойдется.

Нет, не обошлось. В Берлине и Вене кипела работа. Выработывали ультиматум Сербии – такой, чтобы она не могла принять. Австрийский император Франц Иосиф писал Вильгельму II: «Нужно, чтобы Сербия, которая является нынче главным двигателем панславянской политики, была уничтожена». Вильгельм соглашался, поучал: «Надо покрепче наступить на ноги всей этой славянской сволочи». Текст ультиматума утвердили 14 июля, но вручение задержали. 23 июля французская эскадра с президентом и премьер-министром отчалила из Петербурга. С русскими расстались, а до Франции ее руководству еще предстояло добратся. И тогда-то ультиматум был предъявлен.

От Сербии потребовали чистки офицеров и чиновников, замеченных в антиавстрийской пропаганде, ареста подозреваемых в содействии терроризму. Согласно одному из пунктов, австрийцев должны были допустить к расследованию на сербской территории и к наказанию виновных. Принять этот пункт Сербия никак не могла. Официально – он нарушал суверенитет страны. Но премьер Пашич знал и другое: если даже дать согласие, австрийцы виновных *найдут*. Террористы были арестованы, от них следы вели к офицерам из «Черной руки». Вена все равно получит повод к войне, но Сербия окажется в еще более невыгодных условиях. А на ответ давалось всего 48 часов, дипломатическое урегулирование заведомо исключалось.

Принц-регент Александр воззвал к Николаю II, прося защиты. Царь заверил его: «Пока остается хоть малейшая надежда на избежание кровопролития, все мои усилия будут направлены к этой цели», но в любом случае Россия «не окажется равнодушной к участи Сербии». Русский государь и Англия предложили вынести вопрос на международную конференцию. Франция и Италия согласились, Германия отказалась. 25 июля, не дожидаясь сербского ответа на ультиматум, она начала скрытую мобилизацию – без официального ее объявления рассылались повестки резервистам. Флоту, находившемуся в Норвежском море, кайзер приказал возвращаться на базы – он намеревался бросить все корабли на Балтику, против России.

А 26 июля, когда ни одна из держав Антанты еще не приступала к военным приготовлениям, немецкое правительство заблаговременно утвердило ультиматум... нейтральной Бельгии. Дескать, Германия получила «надежную информацию», будто Франция намерена напасть на нее через Бельгию. А поскольку бельгийская армия не сумеет остановить французов, немцы вынуждены «в целях самосохранения» ввести в Бельгию войска. Если она согласится, то обещают после войны уйти с ее территории и возместить убытки. А если откажется, «будет считаться врагом» Германии.

Тем временем сербский премьер Пашич проявил чудеса дипломатического искусства, составляя ответ. Он принял все пункты, кроме одного. Вместо разрешения австрийцам вести расследование в Сербии предлагал передать вопрос Гаагскому международному трибуналу, заранее обещая подчиниться его решениям. Но для Австрии было достаточно хоть какого-нибудь несогласия. 26 июля она разорвала отношения с Сербией.

Николай II реагировал очень осторожно, чтобы не спровоцировать столкновение. 26 июля царь согласился на подготовительные мероприятия к мобилизации – но не саму мобилизацию. Он пытался использовать свою, как он считал, личную дружбу с «кузеном Вилли». Одну за другой слал ему телеграммы, умоляя помешать австрийцам «зайти слишком далеко». Но Вильгельм воспринимал миролюбие царя как доказательство его слабости. А на ноте российского МИДа, что наша страна не бросит Сербию на растерзание, оставил заметки на полях: «Что ж, валяйте», «Это как раз то, что нужно!»

Конечно, достаточно было одного намека из Берлина, чтобы Австро-Венгрия склонилась к примирению, но направлялись совершенно другие инструкции. Мольтке требовал от австрийцев: «Отвергните мирные предложения Великобритании. Европейская война – это единственный шанс на спасение Австро-Венгрии. Поддержка Германии вам абсолютно обеспечена». А канцлер Бетман-Гольвег, наоборот, просил, чтобы не отвергали мирных инициатив, а делали вид, будто собираются их рассмотреть, иначе «будет трудно возложить на Россию вину за пожар в Европе».

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. В Вене и Будапеште это вызвало общее ликование. Горожане заполнили улицы, пели песни, дамы засыпали цветами военных, которым предстояло отлупить проклятых сербов. Война воспринималась как недолгая победоносная прогулка. 29 июля на Белград посыпались снаряды с кораблей австрийской Дунайской флотилии и с батарей крепости Землин, расположенной на другом берегу Дуная.

В этот же день германскому послу в Брюсселе привезли пакет с ультиматумом для Бельгии. Но вскрыть его следовало позже, по особому указанию. А Франции и России Бетман-Гольвег направил угрожающие ноты. В Париж – что «военные приготовления, которые Франция собираются начать, вынуждают Германию объявить состояние угрозы войны». А нота в Петербург «очень серьезно уведомляла»: «если Россия будет продолжать свои военные приготовления, даже не приступая к мобилизации», эти меры «заставят нас мобилизоваться, и тогда едва ли удастся избежать европейской войны».

Важную роль в развитии событий могла сыграть Англия. Министр иностранных дел Сазонов и президент Пуанкаре неоднократно обращались к ней, просили сделать официальное заявление и твердо поддержать союзников. Глядишь, подействовало бы на немцев или хотя бы австрийцев, как это уже бывало в прошлых кризисах. Но нет, на этот раз Грей разводил руками: «Мы должны сохранять полнейшую свободу действий». В британском кабинете министров и парламенте развернулись дебаты, консультации с США: стоит ли вспоминать о взятых обязательствах или лучше забыть о них? Немцы оценили эти колебания по-своему, и канцлер Бетман-Гольвег открытым текстом предложил Англии купить ее нейтралитет. Уже подразумевалось, что будет война с Францией, хотя она никак не была причастна к «сербскому вопросу», и канцлер обещал – если британцы не вмешаются, Германия не станет присоединять собственнo французские территории, а французские колонии согласна поделить.

Лишь первый лорд адмиралтейства Черчилль уже серьезно опасался, как бы грянувшая война не застала корабли врасплох. Он приказал флоту перебазироваться на север, в Скапа-Флоу, подальше от баз немецких миноносцев и подводных лодок, уговорил премьер-министра Асквита подписать приказ о «предварительном военном положении». Во Франции такое же беспокойство проявлял начальник генштаба Жоффри. По французским законам, солдатам предоставлялись отпуска на время жатвы, половина армии разъехалась по деревням. Жоффри доказывал, что немцы могут ворваться без единого выстрела, убеждал начать мобилизацию.

Но даже вчерашние сторонники войны в правительстве осаживали его. Стоит ли спешить, навлекая на себя удар? Может, немцы и австрийцы навалятся на сербов и русских? Жоффру разрешили лишь отозвать солдат из отпусков и изготовить 5 приграничных корпусов. Но одновременно приказали отвести их на 10 км от границы. Показать: Франция не будет атаковать первой.

А в Петербурге, когда загрохотали австрийские пушки, Николай II решил припугнуть Вену военной демонстрацией. Распорядился начать частичную мобилизацию Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов, но не Варшавского, граничившего и с Австро-Венгрией, и с Германией. Однако такого плана в генштабе не существовало – все военные прекрасно понимали, что в одиночку, без немцев, австрийцы против России не выступят. А сами русские нападать на них не собирались. Но на полную мобилизацию царь не согласился. Если частичная была невозможной, решил пока вообще не объявлять мобилизации.

К государю стекалась самая противоречивая информация. Прикатилась вызывающая и оскорбительная нота канцлера Бетман-Гольвега, но и после этого германский посол в Петербурге Пурталес передавал миролюбивые заявления, одна за другой приходили обнадеживающие телеграммы от Вильгельма II: «Я прилагаю последнее усилие, чтобы вынудить австрийцев действовать так, чтобы прийти к удовлетворительному пониманию между вами. Я тайно надеюсь, что Вы поможете мне в моих стремлениях сгладить трудности, которые могут возникнуть. Ваш искренний и преданный друг и брат Вилли». Особо кайзер просил не начинать военных приготовлений – это, мол, помешает его посредничеству. Царь отвечал, благодарил за помощь, предлагал вынести конфликт на рассмотрение Гаагской конференции.

Но Австрия отказалась от любых переговоров. В следующих телеграммах тон кайзера изменился, он повторял ту же ноту Бетман-Гольвега. А от русских дипломатов и военных хлынули тревожные сведения, что в Германии военные мероприятия идут полным ходом, немецкий флот из Киля перемещается в Данциг на Балтике, к границе выдвигаются кавалерийские соединения, уже в полевой форме. А России для мобилизации требовалось на 10–20 дней больше, чем немцам. Становилось ясно, что они просто морочат голову, хотят выиграть еще и дополнительное время...

А кайзеровское правительство еще и специально провоцировало, чтобы русские первыми дали повод к конфликту. Газета «Берлинер Локаль Анцайгер» вышла с заголовком, что в Германии объявлена мобилизация. Российский посол в Берлине Свербеев немедленно сообщил об этом в Петербург. Буквально через несколько минут германский МИД известил его, что это ошибка журналистов и тираж приказано изъять. Посол тотчас отправил второе донесение. Но вторая телеграмма, посланная через несколько минут, загадочным образом опоздала на несколько часов.

Царь, получая такие доклады, задумался. Сказал: «Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением». Но потом, взвесив все факты, добавил: «Вы правы. Нам ничего другого не остается, как ожидать нападения...» 31 июля Россия объявила мобилизацию. При этом российский МИД разослал разъяснения, что она будет сразу остановлена в случае прекращения боевых действий и созыва конференции.

Но Германия как раз и ждала этой зацепки. Кайзер телеграфировал Николаю II, что царь еще может «предотвратить конфликт, если отменит все военные приготовления». Хотя Вильгельм даже не намеревался ждать ответа. Через час после отправки телеграммы он въехал в Берлин на коне и под восторженный рев толпы объявил с балкона, будто его «вынуждают вести войну». Тотчас были направлены два ультиматума, Франции и России. А одновременно с ультиматумами утвердили тексты объявления войны. Зачем лишний раз собирать правительство, если все решено?

От французов потребовали в течение 18 часов ответить, останется ли Франция нейтральной в случае войны с Россией, а если да, то... передать Германии «в залог» мощные крепости

Тулль и Верден, прикрывавшие границу, – с пояснением, что они «сначала будут оккупированы, а после окончания войны возвращены». В общем, не хотите воевать – откройте нам свободную дорогу в свою страну. От такой наглости ошалело не только французское правительство, а даже германский посол, вручавший ноту. А об ультиматуме России в Петербурге сперва узнали... из прессы. Его опубликовали в немецких газетах, но посол Пурталес получил инструкцию вручить его в только полночь с 31 июля на 1 августа, чтобы русским было невозможно что-либо предпринять. Требовалось отменить мобилизацию и «дать нам четкие разъяснения по этому поводу», но немцы все еще темнили, слова «война» избегали: «Если к 12 часам дня 1 августа Россия не демобилизуется, то Германия мобилизуется полностью».

Среди ночи царские министры пытались консультироваться с союзниками. Но в Лондоне Грей заявлял, что «конфликт между Россией, Австрией и Германией не затрагивает интересов Англии». Оставалось неясным даже то, поддержит ли русских Франция – ведь союзный договор не был ратифицирован французским парламентом. В Париже царил полный разброд. В одном из кафе патриот застрелил лидера пацифистов Жореса, призывавшего сорвать мобилизацию. Правительство впало в панику, ждало восстания левых. Готовилось ввести в действие план «Карне-Б», арестовать по спискам всех левых социалистов, анархистов, экстремистов.

Но позицию Франции определили не ее союзные обязательства, а немцы. Утром 1 августа они без всякого объявления войны вторглись в нейтральный Люксембург. Французы в этот день отклонили ультиматум о сдаче крепостей, объявили мобилизацию. Вторжение обеспокоило и Бельгию. По международным договорам 1839 и 1870 гг. она обязана была соблюдать полный нейтралитет, а гарантами выступали все великие державы. Теперь ее правительство обратилось к немецкому послу фон Белову за разъяснениями по поводу Люксембурга. Оно получило заверения: «Бельгии нечего опасаться Германии». «Может гореть крыша вашего соседа, но ваш дом будет в безопасности».

А Николай II все еще делал попытки избежать столкновения. Направил в Берлин заявление, что мобилизация – это еще не война, настаивал на переговорах. Но по истечении срока ультиматума к Сазонову явился Пурталес, официально спросил, отменяет ли Россия мобилизацию, услышал «нет» и вручил ноту: «Его Величество кайзер от имени своей империи принимает вызов» и объявляет войну. Хотя посол допустил грубейшую накладку. Дело в том, что ему из Берлина передали две редакции ноты, в зависимости от ответа России. *Война объявлялась в любом случае – варьировался только предлог*. А Пурталес переволновался и отдал Сазонову обе бумаги сразу...

Между тем в Берлине шли споры. Мольтке и Тирпиц настаивали, что вообще нельзя заниматься глупыми формальностями с ультиматумами, объявлениями войны. Надо напасть – и все. Противники ответят, тогда-то и назвать их «зачинщиками». Иначе получается глупо: Германия провозглашает себя миротворцем, хочет возложить вину на Россию, а объявляет войну первой. Но кайзер слишком любил красивые жесты. Он лишний раз покрасовался перед публикой и торжественно провозгласил войну. Со 2 августа начиналась мобилизация.

Впрочем, здесь требуется уточнение. Германия была единственным государством, где слово «мобилизация» автоматически означало «война». Призыв резервистов шел еще раньше. А приказ о мобилизации давал старт плану Шлиффена. Он считался чудом военной мысли и основывался на разнице сроков мобилизации в Германии (10 дней) и России (30 дней). Следовало кинуть все силы на Францию, молниеносно разгромить ее, пока русские не успели сосредоточиться, а потом перебросить войска на восток. Любое промедление грозило сорвать план, и он многократно отработывался на учениях. На железных дорогах вводился военный график, на узловых станциях направлялись офицеры генштаба, начинали дирижировать перевозками: в короткие сроки требовалось перебросить для наступления 40 корпусов, а для каждого требовалось 140 поездов. В общем-то ситуация получилась далекой от логики. Пока объявили войну только России, которая якобы угрожала Германии и Австрии, а немецкие армии

двинулись на запад! Каждый офицер уже имел карту с маршрутом своего полка по Бельгии и Франции.

2 августа посол в Брюсселе получил указание вручить ультиматум Бельгии. Тот самый, где требовалось впустить германские войска, на размышления давалось 12 часов. Бельгийское правительство пребывало в трансе – только вчера оно получило противоположные обещания. Насчет обязательств немцев, что они будут вести себя хорошо и уйдут после войны, иллюзий уже ни у кого не было, Берлин показал, чего стоят его слова. Король Альберт и его министры приходили к выводу: остается только защищаться.

А Англия еще не определилась. К ней зывали французы, напоминали о морском соглашении. Но из 18 членов кабинета 12 были против того, чтобы поддерживать Францию. Грей откровенно намекнул французскому послу Камбону, чтобы в Париже «не рассчитывали на помощь». Камбон в интервью газете «Таймс» прокомментировал – не пора ли выбросить слово «честь» из английского словаря? Но угроза Бельгии изменила настроения. Не из-за того, что Британия считалась главным гарантом ее нейтралитета. Это был плацдарм, с которого немцы могли блокировать берега Англии, наносить удары по ней самой. Хотя даже теперь в правительстве и парламенте многие считали нужным остаться в стороне от войны. Ллойд Джордж и ряд других политиков доказывали: если немцы захватят не побережье Бельгии, а только ее восточную часть, нарушение нейтралитета стоит считать «незначительным» и не вмешиваться. И все-таки возобладала другая точка зрения. Из Лондона в Берлин посыпались требования не задевать бельгийцев.

Зато Турция уже определилась полностью. 2 августа в Константинополе она подписала тайную конвенцию с Германией. Текст составлялся в июле, во время визита Энвера-паши в Берлин, и он успел устареть. Пункт 1 предусматривал, что «в австро-сербском конфликте» Германия и Турция обязуются держать нейтралитет. Пункт 2 гласил: если в конфликте примут участие Россия и Германия, Турция выступит на стороне Германии. Но в момент подписания Россия и Германия уже находились в состоянии войны – иттихадистов это ничуть не смутило. Заключив договор о войне с Россией, они продолжали пускать пыль в глаза. На следующий день опубликовали декларацию о нейтралитете. Но одновременно с ней начали мобилизацию резервистов с 23 до 45 лет – фактически всеобщую. А статс-секретарь германского МИДа Циммерман 3 августа направил в Стамбул просьбу поднять против русских народы Кавказа.

В этот день Германия объявила войну Франции. Текст тоже составляли заранее, 31 июля, но в словоблудии немцы не стеснялись. Заблаговременно придумали для французов обвинения в воздушных бомбардировках германских деревень, даже в нарушении «бельгийского нейтралитета». Хотя картина оказывалась обратной. Бельгия ответила отказом на германский ультиматум, и первый секретарь посольства фон Штумп удивленно записал: «Почему они не уйдут с дороги?.. Мы не хотим делать им больно, но если они окажутся на нашем пути, мы втопчем их в грязь, смешаем с землей. О, несчастные глупцы...»

4 августа лавина войск хлынула через бельгийскую границу. Британское правительство предъявило ультиматум – прекратить вторжение. Немцы этим очень возмутились, подняли шум о «расовом предательстве», о «враждебном окружении». Рейхстаг единогласно проголосовал за военный кредит в 5 млрд марок на «защиту страны». Кайзер, узнав о столь единодушной поддержке, удовлетворенно отметил, что «отныне в Германии нет никаких партий, а только немцы». На ультиматум Лондона еще не ответили, но германские газеты вопили: «Англия объявила войну!» А когда его срок истек, Черчилль приказал флоту открыть боевые действия.

Италия и Румыния, несмотря на союзные договоры с Германией и Австрией, предпочли заявить о нейтралитете. В Берлине были уверены, что немецкой союзницей станет Япония или займет благожелательный нейтралитет, поэтому русским придется держать значительные контингенты на Дальнем Востоке. Но она осталась верна дружбе с Англией, да и почему бы не пожить за счет Германии? 15 августа, совершенно неожиданно для немцев, Япония

предъявила ультиматум. Потребовала передать ей германскую базу в Китае Циндао, отозвать из китайских и японских вод военные корабли. А когда немцы отказались, объявила войну.

Началась Первая мировая. Могла ли Россия уклониться от нее? Агрессия была предрешена в Берлине и нацеливалась именно на русских. Царь был честным и благородным человеком, он никогда не пошел бы на нарушение союзнического долга. Но даже в гипотетическом случае, если бы Россия разорвала альянс с Францией, пожертвовала Сербией, реализовался бы именно тот вариант, который случился в 1941 г. Сломив противников на западе, неприятели обрушились бы на восток. Россия осталась бы в одиночку против Германии, Австро-Венгрии и Турции. При подобном раскладе к ним наверняка примкнули бы Италия, Румыния, могли соблазниться и Япония, Швеция. В Петербурге это понимали и строили политику соответствующим образом. И было так, как было.

Глава 7.

Армии и планы

В начале XX в. в армиях различных государств примерно 70 % солдат составляла пехота, 15 % – артиллерия, 8 % – конница. Аэропланы использовались в основном для связи и разведки. Бомбы бросали вручную, они были разные, до 10 кг. Авиация, связь, автомобильный транспорт еще не выделились в самостоятельные рода войск (в России они входили в инженерные войска вместе с саперами). А границы всех стран прикрывались линиями мощных крепостей. Во Франции – Мобеж, Седан, Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор. В Германии вдоль французских границ – Кельн, Майнц, Мец, Страсбург, вдоль русских – Кенигсберг, Летцен, Данциг, Торн, Позен, Бреслау. У австрийцев – Краков, Перемышль, Галич, Миколаев. У русских – Ковно, Гродно, Осовец, Новогеоргиевск, Брест.

По технической оснащенности лучшей армией была германская. Она насчитывала 2,5 млн штыков и сабель. Солдаты у немцев 2 года служили на действительной, 4,5 года числились в резерве, потом переходили в ландвер (территориальные войска), а допризывники в возрасте от 17 до 20 лет, лица от 35 до 45 лет и непригодные к службе по состоянию здоровья составляли ландштурм (ополчение). В других государствах служба в запасе была формальностью, но в Германии она понималась буквально. С запасниками регулярно проводились сборы, учения, и войска резерва не уступали кадровым. Германский пехотный корпус насчитывал 45 тыс. человек, состоял из 2 дивизий и специальных частей. В дивизии (17 тыс.) было 2 бригады, в бригаде – 2 полка, в полку – 3 батальона по тысяче человек. В дивизии имелось 24 пулемета и 72 орудия, из них 12 тяжелых. А корпусная артиллерия состояла из 16 тяжелых орудий (калибр 150 мм). Кавалерийский корпус состоял из 2–3 дивизий по 4200 сабель.

Профессиональные качества командиров были высокими. Действовал строгий порядок «синих конвертов» – под Новый год нерадивый офицер находил на столе извещение, что он уволен. Но и доверие было высоким. Командир в рамках поставленной задачи мог не оглядываться на начальство и выполнять ее так, как считает нужным. В обучении войск важная роль отводилась идеологии, вбивались в головы все те же теории о «расовых особенностях», «особой исторической миссии».

Но у германской армии имелись серьезные уязвимые стороны. Тактика очень отставала от современных требований. Обороне отводилось недостаточное внимание. При наступлении предусматривались атаки в полный рост густыми цепями, с интервалами в 2 шага, а то и сомкнутыми колоннами. Цепь должна была держать равнение. Отрабатывался и такой архаичный прием: через определенное число шагов цепь останавливалась, прицеливалась, давала залп и маршировала дальше (под огнем противника). Кавалерия тоже готовилась к атакам в плотных строях. А германская стратегия по опыту прошлого века нацеливалась на победу в одном генеральном сражении. Отрицалась необходимость стратегических резервов, следовало бросить в бой все сразу – и выиграть.

Основой стратегии был план Шлиффена. 7 армий направлялось на французов, а против русских оставались лишь 2 корпуса и ландвер. Граница Франции по географическим условиям была неудобной для массированного наступления, вдоль нее тянутся лесистые горы – Арденны, Аргонны, Вогезы, проходы в них запирались крепостями. Поэтому вторжение предполагалось через нейтральные Люксембург, Бельгию и Нидерланды. Здесь, на правом фланге, сосредотачивался ударный кулак, а левый, в Лотарингии, прикрывали довольно слабые силы. Шлиффен допускал, что в начале войны будет временно потеряна Восточная Пруссия, придется отступать в Лотарингии. Но атакующие французы сами втянутся в мешок. А тем временем мощный правый фланг проломит оборону, выйдет в долину Сены, обойдет Париж и весь

французский фронт, прижмет французские армии к границе и устроит им разгром, грандиозные «Канны». Затем войска быстро перекидываются на Россию. Наносятся сходящиеся удары, немцы с севера, а австрийцы с юга, от Кракова. Окружают русских в Польше и громят.

Мольтке, преемнику Шлиффена, план показался чересчур рискованным. Что толку в прорыве ударной группировки, если русские в это время выйдут к Берлину, а французы вторгнутся за Рейн? По Германии покатится паника, массы беженцев парализуют дороги, и все замыслы рухнут. Мольтке ослабил ударную группировку на 5 корпусов, 2 переместил в Восточную Пруссию, а 3 в Лотарингию. При этом стало возможным не нарушать нейтралитет Голландии – уменьшенная группировка могла развернуться в одной Бельгии. Но все равно успех казался обеспеченным. Операция была распланирована по суткам. На 12-й день мобилизации предстояло взять Льеж, на 19-й – Брюссель, а на 39-й – Париж. Верховным главнокомандующим являлся кайзер, а фактическое руководство осуществлял его начальник штаба – Мольтке.

Армия Австро-Венгрии насчитывала 1,5 млн штыков и сабель. Ее структура была близка к германской, но вооружение было слабее, на корпус приходилось 132 орудия (у немцев – 160). Хуже была и подготовка солдат, командный состав. Австрийские офицеры, в отличие от германских, активно отдавали дань «житейским радостям», любили сверкать мундирами по балам, театрам, ресторанам, увлекались дамами (или мужчинами, в австрийском «свете» это было модно). Войска ослабляла и национальная неоднородность. Лучшими частями были венгерские, в бою они ничуть не уступали германским. Отличными воинами были немцы, хорваты, босняки. Но у поляков, русинов, словаков, а особенно у чехов и румын, воинский дух и дисциплина были заметно ниже.

Императору Францу Иосифу исполнилось 74 года, а наследником после смерти Франца Фердинанда стал эрцгерцог Карл, далекий от политики и военных вопросов. Верховным главнокомандующим поставили другого родственника императора, эрцгерцога Фридриха. Разумеется, номинальным. А фактическим стал начальник генштаба Франц фон Конрад фон Гетцендорф. Планы австрийцев представляли собой некую вариацию плана Шлиффена. Войска развертывались тремя группировками. Эшелон «А», 50 % сил, – против России. Эшелон «В», 25 % сил, – против Сербии. А эшелон «С» в центре страны – для усиления той или иной группировки. Конрад тоже учел разницу сроков мобилизации в 15 дней между Россией и Австро-Венгрией. Эшелон «А» должен был атаковать в Галиции и бить русских, еще не успевших сосредоточиться. А эшелон «С» направлялся на Балканы. Вместе с эшелоном «В» они мгновенно давили Сербию, потом их перебрасывали на восток. К этому времени подтягивались германцы, разгромившие Францию, и австрийцы наносили главный удар в Польше, навстречу им.

Планы развертывания Австро-Венгрии стали известны русским, завербовавшим начальника австрийской контрразведки полковника Редля. Но в 1913 г. он попался. В то время методы агентурной работы были еще довольно примитивными, и Редль (профессионал!) получал вознаграждение по почте, ходил туда, переодевшись и напялив парик. Полиция обратила внимание на странного получателя переводов. Конрад поступил хитро – не поднимая шума, Редля вынудили застрелиться, а план развертывания изменили, о чем русские не знали.

К вооруженным силам Турции в странах Антанты относились пренебрежительно, помнили, как легко ее громили в Балканской войне. Но в 1912 г. терпели поражения разложившиеся революционные войска, а к лету 1914 г. с помощью немцев возникла практически новая армия. Было сформировано 13 корпусов и 2 отдельные дивизии. Турецкий корпус (45 тыс. бойцов) состоял из 3 пехотных дивизий, кавалерийской бригады, артдивизиона, истребительного и санного батальонов. В дивизии было 3 полка по 3 батальона, пулеметная рота, кавалерийский эскадрон, дивизион тяжелых и дивизион легких орудий. Турция готова была выставить армию в 800 тыс. человек и имела еще 1 млн обученного резерва. Эти силы дополнялись иррегулярной конницей курдов и арабов (200 тыс. сабель).

Слабым местом турок было вооружение, его закупали за границей. Но к началу войны немцы построили в Стамбуле патронные заводы. Части, стоявшие на главных направлениях, перевооружили современными германскими винтовками «маузер». А старые винтовки «маузер», однозарядные «пибоди» и «мартин» пошли на вооружение курдских племен. Но артиллерии еще не хватало. Корпусные и дивизионные тяжелые батареи оснащались немецкими орудиями калибра 105 мм, в легких батареях имелись пушки и гаубицы разных систем, Круппа, «Шкоды», «Крезю».

Турецкие солдаты были очень выносливыми, стойкими и дисциплинированными, офицеры имели отличную подготовку, многие учились и стажировались в Германии, на командных постах находились 70 немецких военных специалистов. А планы во многом определялись идеологией «туранизма» и панисламизма. Предполагалось два удара. На Кавказ, отобрать его у русских, и на Суэц, перекрыть англичанам ближайшую дорогу в Индию. Считалось, что эти удары вызовут восстания мусульман в России и Северной Африке.

Самой отсталой из великих держав была армия Франции. Из уроков франко-прусской войны она сделала весьма своеобразные выводы – надо двигаться не вперед по пути прогресса, а... назад, к традициям Наполеона. Была принята теория «жизненного порыва». Чья воля сильнее, тот выиграл. Добиться напора, и враг побежит. Особенности местности, фортификация, вооружение – все это объявлялось ложными теориями «низшей части воинского искусства». Оборона вообще сбрасывалась со счетов. Полевой устав, принятый в 1913 г., учил: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме наступления».

Временный переход к обороне допускался только для «экономии сил» на второстепенных участках, откуда снимались войска для наступления. Для укрытия предполагалось использовать лишь складки местности. Окапываться солдат не только не учили, но и запрещали, чтобы не испачкали форму, не утратили бодрого вида и наступательного духа. В приказах писалось: «Никогда французская армия не будет рыть окопы, она будет всегда решительно атаковать и не унизит себя до обороны». Стратегических резервов не предусматривалось – все должно решиться в первых сражениях.

Требовалось «сразу, без оглядки пускаться в бой все средства». Атаковать «змейками», а лучше, для пущего напора, сомкнутыми строями. Разведка считалась несущественной мелочью – нельзя задерживаться, раздумывать. «Важнее воспитать в себе дух, необходимый для победы, нежели разбирать способы ее достижения». А роль артиллерии сводилась к «огневому шквалу» – проложить дорогу броску пехоты. Французы оснащали войска легкими пушками калибра 75 мм, но тяжелой артиллерии не было совсем. Полагали, что она замедлит темпы наступления. Правда, на французских заводах производились отличные тяжелые орудия, но их изготовляли не для своей армии, а по иностранным заказам.

Дивизии по численности примерно соответствовали германским, в пехотной 17 тыс., в кавалерийской 4 тыс. Но орудий в пехотной дивизии было всего 36. А корпусная артиллерия составляла 48 стволов. В сумме на корпус приходилось 120 орудий – все легкие. Связь осуществлялась через посыльных. Такую новинку, как радио, не принимали в расчет. А телефоны предусматривались разве что для старшего начальства – ведь телефонные провода в ротах и батареях «привяжут» их к месту, помешают стремительному продвижению. Не было даже полевых кухонь. Тоже из «наполеоновских традиций». Солдат в походе должен был получать еду сухим пайком и готовить на кострах, каждый для себя.

Немцы, русские и англичане уже давно переодели войска в защитную форму, но французы начинали войну в красных штанах, красных кепи (у офицеров с белыми плюмажами), в синих мундирах и шинелях. Кавалерия красовалась в сверкающих кирасах, в касках с хвостами из конского волоса, султанами из перьев. Когда военный министр Мессими предложил ввести защитное обмундирование, сочли, что это подорвет воинский дух, и бывший военный

министр Этьен восклицал в парламенте: «Ле панталон руж се ля Франс!» – «Красные штаны – это Франция!»

Подготовка войск велась только на плацу – чтобы не портить крестьянских полей. Стрельбой занимались мало (для кавалерии курс составлял 3 дня). Основными должны были стать штыковые и сабельные удары. Пехоту тренировали в «наполеоновских» маршах по 40 км. Отрабатывали нормативы штыкового броска – 50 м следовало преодолеть за 20 секунд. Считалось, что врагу нужно 20 секунд, чтобы перезарядить винтовку, прицелиться и выстрелить. Лишь одна из крепостей, Мобеж, была оборудована железобетонными укреплениями. Остальные были кирпичными, давно устарели. Их не совершенствовали – зачем, если все решится в наступлении? Крепость Лилль на бельгийской границе упразднили совсем, там немцев не ждали.

Верховным главнокомандующим стал начальник генштаба 62-летний маршал Жозеф Жак Сезар Жоффри. Герой войн на Мадагаскаре, человек волевой, крайне консервативный и самоуверенный. По французским законам, с начала войны главнокомандующему передавалась полная власть в военных вопросах, и ни президент, ни правительство не имели права вмешиваться в его распоряжения. А командующим армиями не предоставлялось ни малейшей самостоятельности, каждый шаг они должны были согласовывать с верховным.

Прохождение службы во Франции подразделялось на действительную и службу в запасе. Но на подготовку резерва внимания не обращалось. Французы были убеждены, что войну должна вести только кадровая армия. У резервистов не может быть нужного «порыва», и прибавлять ими регулярные части нельзя, чтобы не ослабить «дух». Тем, кого призвут из запаса, оставляли охрану тыловых объектов, патрулирование. Мало того, французское командование переносило собственные взгляды и на противника. Пребывало в полной уверенности, что немцы тоже не станут использовать резервистов. У немцев почти все корпуса существовали «в двух экземплярах», полевые и резервные, причем с таким же номером. Но французы считали их за один. Разведка многократно докладывала, что это не так, однако начальство ее информацию отменяло. Дескать, иначе не может быть.

В результате силы противника преуменьшались чуть ли не вдвое! Французские шпионы за огромную сумму купили у германского генштабиста план Шлиффена, но его признали фальшивкой! Прикинули по собственным оценкам численность немцев (получалось 26 корпусов), и выходило, что на всю протяженность фронта, на обход через Бельгию, этого не хватит. Заместитель председателя военного совета Мишель поверил, что план Шлиффена истинный, настаивал на усилении обороны, но Жоффри заявил: «Нет смысла обсуждать это предложение. Генерал Мишель не в своем уме». Для французской армии был разработан План-17. Вдоль границ с Германией развертывались 5 армий. Главный удар наносился на правом фланге, в Лотарингии, второй удар – в Арденнах. Предполагалось прорвать неприятельскую оборону и двигаться за Рейн, на Берлин. А левый фланг на границе с Бельгией оставался вообще неприкрытым. Именно тот участок, куда нацеливались стрелы немецкого генштаба.

В Берлине о недостатках французской армии знали, более опасным противником считали англичан. Но британцы, наращивая флот, экономили на сухопутных войсках. Ассигнования на них за 10 лет сократились втрое. Тех армий, которые Англия выставляла в начале века против буров, уже не существовало. В самой Англии располагались лишь 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизии. Это были прекрасные профессиональные соединения, они состояли почти из одних сержантов. Но развернуть их за счет призыва пополнений было невозможно. У англичан не было воинской повинности, армия формировалась по принципу добровольного найма – соответственно, не было обученных резервистов. Правда, имелись многочисленные колониальные войска, но они были разбросаны по всему миру и привыкли нести лишь полицейскую службу.

У англичан тоже хватало анахронизмов. Например, наставлениями предусматривалось, что на третий день мобилизации должна производиться заточка офицерских сабель. Некоторые высшие офицеры пренебрегали даже пулеметами, считая их «пустой игрушкой». А войны в колониях, легкие победы над «дикарями» выработали у британцев весьма легкомысленное отношение к войне. Когда Англия вступила в мировую схватку, военным министром был назначен покоритель Судана и буров фельдмаршал Китченер. Главкомандующим экспедиционными силами стал Джон Френч. Четких планов у англичан не было. Одни политики и военачальники полагали, что армия должна быть придатком флота и использоваться для десантов. Другие намечали воевать на континенте вместе с французами.

Вторжение немцев толкнуло в лагерь Антанты и Бельгию. Ее армия состояла из 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий и насчитывала 175 тыс. человек (вместе с жандармами). Главкомандующим был король Альберт. Но эта страна долго прожила мирной и нейтральной. Бельгийцы считали собственную армию лишней, сборищем дармоедов. Служили те, кто не нашел другую работу. Только в 1913 г. ввели воинскую повинность, народу это очень не нравилось. Части были расхлябанными, солдаты даже не умели ходить в ногу. Стрельбы проводились изредка, по выстрелу на человека. Границы прикрывали две сильные крепости, Льеж и Намюр, но у полевой армии было мало артиллерии, пулеметов.

А в Сербии была милиционная система комплектования армии. Она являлась общенародным ополчением и насчитывала 12 пехотных, 1 кавалерийскую дивизию и отдельные отряды (250–300 тыс. чел.) Армия была плохо организована, слабо вооружена. Но она приобрела немалый боевой опыт в Балканских войнах. Очень высоким был воинский дух, войска горячо поддерживало все население. Главкомандующим, или «воеводой», в Сербии являлся генерал Радомир Путник.

Русская армия достигала 1,5 млн человек. По уровню подготовки она значительно превосходила другие державы, а по технической оснащенности уступала лишь германской и австрийской – но ведь они целенаправленно готовились к войне. В России солдаты 3 года служили на действительной, 7 лет числились в запасе I разряда, 8 – в запасе II разряда. Те, кто не служил, но был пригоден к строевой, входили в состав ополчения двух разрядов и назывались ратниками. Пехотный корпус по численности примерно соответствовал германскому, но дивизия была больше – 21 тыс. Она состояла из 2 бригад, бригады – из 2 полков, полк – из 4 батальонов (по 1 тыс.), а батальон – из 4 рот. Кавалерийская дивизия состояла из 4 полков по 6 эскадронов (один полк драгунский, один уланский, один гусарский и один казачий). Она насчитывала 4 тыс. шашек, но, в отличие от германской и французской, русская кавдивизия включала еще пулеметную команду и дивизион из 12 орудий.

Оружие было не хуже зарубежных аналогов: трехлинейная винтовка Мосина, револьвер Нагана, пулемет Максима, усовершенствованный тульскими оружейниками. Пулеметов было по 8 в полку – так же, как у немцев и французов. Одними из лучших в мире были скорострельные трехдюймовые (76 мм) орудия Барановского. В дивизии имелось 48 пушек (у немцев – 72, у французов – 36). А всего в русской армии было 7030 орудий (из них 240 тяжелых). Для сравнения: в Германии – 9398 орудий (1300 тяжелых и 996 осадных), в Австро-Венгрии – 4083 (960 тяжелых и 338 осадных), во Франции – 4800 (легких).

Первые полевые радиостанции, созданные А. С. Поповым и капитаном Троицким, были введены еще в 1900 г., и к началу мировой войны во всех корпусах существовали «искровые роты». Широко использовалась телефонная и телеграфная связь. В войсках насчитывалось более 3000 автомобилей (у немцев – лишь 83 штуки, они недооценивали автотранспорт, предназначали его только для передовых отрядов). Воздушные силы составляли 263 самолета и 14 дирижаблей. Опять же, для сравнения: в Германии 232 самолета и 15 дирижаблей (их еще называли цепеллинами), во Франции – 156 самолетов и 5 дирижаблей (когда Жоффру доказывали пользу авиации, он отмахнулся: «Ну, это для спорта!»).

Впрочем, авиация была совершенно новым видом техники, самолеты сильно различались по своим качествам. На флоте в России были великолепные гидропланы М-5 и М-9, сконструированные Д. П. Григоровичем, они считались лучшими в мире. В 1913 г. на Русско-Балтийском заводе был создан многомоторный самолет Сикорского «Русский витязь», а на его базе – бомбардировщик «Илья Муромец», на нем уже имелись специальные подвески для бомб, сбрасыватели и прицелы. Для летчиков на этом самолете применялся парашют Котельникова. Но большинство аэропланов в сухопутных войсках были иностранного производства и устаревших моделей, ненадежные и невооруженные.

Русские конструкторы Федоров, Токарев, Рощепей уже создали первые образцы автоматических винтовок. В 1904 г. мичман Власов и капитан Гобято изобрели миномет. Появились образцы ручных пулеметов, «противосамолетных» орудий. Они оставались еще на уровне разработок, но к началу войны их не было и в других странах. Кстати, в европейских армиях не было и ручных гранат, их считали сложным и опасным оружием. У немцев гранаты изготавливались не на заводах, а саперами, и ими же применялись. У русских гранаты уже производились, начали поступать в войска. Новое Наставление для пехоты предусматривало забрасывать противника гранатами перед штыковым ударом. Но на практике войска этому еще не обучали.

Русская военная наука учитывала опыт японской войны. Главным видом боевых действий признавалось наступление, но должное внимание уделялось и обороне. Атаковали в более редких порядках, чем на Западе (интервалы до 5 шагов). Применялось переползание, движение перебежками, выдвижение отделениями или одиночными солдатами под прикрытием огня товарищей. Не только в обороне, но и в наступлении от солдат требовалось окапываться. Армию обучали встречному бою, действиям в ночных условиях, вместо штыковой вводилась огневая тактика. Пехота показывала очень высокие результаты в стрельбе, а артиллеристы не знали себе равных – в их среде считалось делом чести не просто метко стрелять, но и досконально, вплоть до винтиков, знать свое орудие. Русская артиллерия в японской войне впервые применила стрельбу с закрытых позиций с помощью угломера и панорамы, а для корректировки огня использовала аэростаты. Прекрасно была подготовлена и кавалерия, ее учили действовать как в конных, так и в пеших порядках.

Важная роль отводилась индивидуальному обучению солдат и командиров. Русские офицеры и унтер-офицеры были настоящими мастерами военного дела. Классик военной педагогики М. И. Драгомиров в своих работах требовал: «Близко общаться с подчиненными»; «ставить службу выше личных дел»; «не бояться самостоятельности». Кадровая русская армия превосходила германскую и по качеству бойцов. Россия содержала гораздо меньшие вооруженные силы, чем позволяли ее человеческие ресурсы. Из призывников медицинские комиссии отбирали лишь 52 %! Самых здоровых и сильных. (В Германии отсеивали всего 3 %, явных инвалидов.)

Слабые стороны имелись и у русских. Со времен Петра I сохранялась практика назначать офицеров и генералов на гражданские административные посты. Чины и выслуга при этом шли, и потом их, забывших о строевой службе, могли вернуть в армию. Плохо была поставлена подготовка резерва. Сборы и учения запасников проводились только у казаков. А 48 % призывников, которые не попадали на действительную службу и числились в ополчении, оставались вообще необученными. С офицерским резервом дело обстояло еще хуже. Это были выпускники вузов, получавшие с дипломом чин прапорщика запаса, но о службе не имевшие понятия, или офицеры, уволенные по возрасту, состоянию здоровья, за проступки.

В военной области негативно сказывалось и западничество. Французы, несмотря на грубейшие недостатки собственной армии, были уверены, что она подготовлена лучше всех. Самоуверенно поучали коллег из Петербурга, и русские генштабисты перенимали глупые теории «борьбы воль», «порыва». Под влиянием французов недооценивали тяжелую артиллерию. Позже, правда, спохватились, по новой военной программе артиллерию предполагалось значи-

тельно усилить. На корпус должно было приходиться 156 орудий, из них 24 тяжелых. Но реализация этих планов только начиналась, и в августе 1914 г. на корпус приходилось 108 пушек, из них 12 тяжелых (122 или 152 мм).

Военное министерство возглавлял генерал от кавалерии Сухомлинов. Он был толковым администратором, много сделал для подготовки к войне. Но чрезмерным рвением не отличался. На январь 1914 г. из ассигнований, выделенных военному ведомству, накопилась огромная сумма в 250 млн руб., их просто не удосужились использовать. Министерство не следило за сроками выполнения заказов, графики поставок срывались. Вместо того чтобы развивать отечественную промышленную базу, Сухомлинов размещал заказы в Англии, Франции, даже в Германии. За рубежом изготовлялись тяжелые орудия, самолеты, часть боеприпасов. Иностранцы совершенно окружили министра. Сделать это было не трудно. Сухомлинов, вдобавок ко всему, был человеком легкомысленным, в 60 лет женился на 28-летней красавице. Она была ветреной и расточительной, муж всячески ублажал ее и постоянно нуждался в деньгах. Представители зарубежных фирм подмазывали его взятками, получая заказы. А среди тех, кто наставлял ему рога с супругой, был резидент австрийской разведки Альтшиллер.

Русский План-19 предусматривал два варианта действий. Вариант «А» – если первый удар немцев обрушится на Францию, и вариант «Г» – на Россию. По первому варианту, который и начал осуществляться, 4 армии Юго-Западного фронта (52 % всех сил) сосредотачивались против Австро-Венгрии. Встречными ударами из Польши и с Украины они должны были уничтожить неприятельские силы в Галиции и развивать наступление на Вену и Будапешт. Против Германии действовали 2 армии Северо-Западного фронта (33 % сил). Сходящимися ударами с востока, из Литвы, и с юга, из Польши, предусматривалось разгромить немцев в Восточной Пруссии и тем самым оттянуть на себя войска из Франции. Кроме того, развертывались две отдельные армии (15 % сил) – 6-я, для прикрытия Петрограда и побережья Балтики, и 7-я – для защиты румынской границы и берегов Черного моря.

Сперва считалось, что Верховным Главнокомандующим будет царь, но его уговорили не принимать на себя руководство войсками. Этот пост занял 58-летний генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич. Он в свое время отличился на Русско-турецкой войне, был награжден орденом Св. Георгия IV степени. С 1905 г. командовал Петербургским военным округом, возглавлял военный совет по реорганизации армии после японской войны. Знал и помнил всех офицеров, с которыми когда-либо встречался, и многих солдат. А по своим взглядам был убежденным англофилом, видел в Британии идеал для подражания.

Начальником штаба Ставки автоматически становился начальник генштаба. На эту должность в 1914 г. прочили талантливого генерала М. В. Алексева. Но Сухомлинов придрался, что он, будучи выходцем из низов, не знает языков – как же он будет общаться с союзниками? В результате был назначен Янушкевич, прежде возглавлявший Академию генштаба, а должность генерал-квартирмейстера, отвечавшего за оперативную работу, занял генерал Данилов. Они звезд с неба не хватили, но по уровню подготовки не уступали зарубежным коллегам.

Ставка Верховного Главнокомандующего разместилась в Барановичах. Здесь все было устроено без какой-либо роскоши, даже без «лишних» бытовых удобств. Николаю Николаевичу выделили лучший дом в городе, но он находился далеко от станции, где имелись линии связи и обосновались оперативный и разведывательный отделы. Великий князь предпочел жить в вагоне. Большинство служб также располагались в вагонах на запасных путях. Хотя не обошлось без казусов – Николай Николаевич был очень высокого роста и, задумавшись, несколько раз набивал себе шишки в низких вагонных дверях. Тогда его сотрудники догадались наклеивать бумажки на верхние притолоки, чтобы обратить внимание великого князя и заставить вовремя нагибаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.